

фантастическая
история

Алексей Кулаков
Оружейникъ

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Алексей Иванович Кулаков
Оружейникъ
Серия «Александр Агренов», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3523705
Оружейникъ: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1172-6

Аннотация

Бойтесь желаний своих, ибо они имеют свойство сбываться. Некогда обычный человек в веке двадцать первом и ставший титулованным аристократом и офицером пограничной стражи в веке девятнадцатом, Александр проверил истинность этого утверждения на себе. Поначалу он просто очень хотел выжить в чужом для него времени и мире. Потом – жить нормально, не экономя скудное жалование корнета-пограничника. Затем появилось еще одно желание, другое, третье... и как-то так вышло, что теперь, на шестом году новой жизни, он – оружейный магнат, изобретатель, успешный фабрикант и обладатель миллионного состояния. Все сбылось, всего достиг... Или не всего? Странное желание будоражит кровь князя Агренова, не дает спокойно спать и жить. Дикое и неразумное в своей простоте и невозможности желание – провести корабль империи сквозь две революции и две войны...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алексей Кулаков

Оружейникъ

Глава 1

В первый день сентября, около двух часов пополудни, к красивому трехэтажному зданию управы РОК¹, а вернее, к расположенной рядом с ней фабричной проходной подъехал экипаж. Из него вышел... вот тут начинались первые несуразицы, потому что никто из полудюжины приказчиков, ожидавших своей очереди получать товар, так и не смог определить – кого же он перед собой видит. А определить, причем – влет, они были просто-таки обязаны согласно специфике своей профессии. Если судить по одежке, перед ними был среднего достатка мещанин, нацепивший на себя свой самый лучший костюм ради важной встречи. В пользу этой версии говорило и очень бережное отношение к одежде, и явное отсутствие обыденной привычки носить ее каждый день, и еще с десятков признаков, заметных взгляду любого опытного торговца. А вот то, как себя держал новоприбывший, вообще поставило всех в тупик: уверенно пройдя мимо хоть и недлинной, но все же очереди, он спокойно пнул будку охранника, привлекая к себе его внимание.

– Это кто там такой нетерпеливый?! Ой, Григорий Дмитрич?

– Здорово, Фаддей. А подскажи-ка ты мне, как господина Гreve найти?

– Это, Григорий Дмитрич, ты уж того, не серчай – это только с начальником смены решить можно. Сам должен понимать, порядок такой, не нами заведен, не нам его и ломать.

– А! Точно! Мне же командир велел первым делом вашему старшему бумагу от него показать. Что встал? Бе-эгом! Вот давно бы так.

Минут через пять приказчики увидели еще более непонятную картинку: обычно сурово-строгий старший охранник начал еще на подходе улыбаться непонятному мещанину. А прочитав короткую записку, и вовсе преисполнился радушия пополам с почтительностью и полез обниматься. Достаточно осторожно полез, чтобы вовремя отступить, но ничего, до тела допустили.

– Ну что, посидим да побалакаем, а? Как там на заставе, сильно все изменилось?

– Кхм. Да я и не отказываюсь. Но сперва поручение командира выполню! Так что насчет Гreve?

– Пошли, провожу.

Увиденного, а главное, услышанного (вернее, успешно подслушанного) приказчикам вполне хватило, чтобы скоротать недолгое ожидание в обсуждении: что же это такое было? Валентин Иванович отыскался в столовой, где сосредоточенно трудился над тарелкой с душистой ухой, но весь его трудовой настрой моментально пропал, стоило ему только увидеть бывшего унтера.

– Прибыли?! А где Александр Яковлевич?

– Мы с ним в Варшаве расстались. Он меня к вам отправил, а сам к тетке своей. Сказал – дня на два, не больше. Вот, велел первым делом письмо передать.

На свет появился небольшой изящный конверт, причем даже незапечатанный.

– Так-с, ага! Поздравляю, Григорий.

– Это с чем же?

– Приказано тебя зачислить в штат компании на должность главного инспектора условий труда, с очень даже неплохим жалованьем.

¹ РОК – Российская оружейная компания. – Здесь и далее примеч. автора.

– Ну да, что-то такое мне командир и говорил. Только он еще указал, чтобы я первым делом все как следует осмотрел, непорядок всякий-разный поискал, с ребятами поговорил о службе.

– Так это и называется – инспектировать. Сейчас сходим в заводоуправление, оформим тебя по всем правилам, «вездеход» получишь, и можешь приступать.

– Это чего такое я получу?

– Документ о том, что имеешь право заходить повсюду, спрашивать обо всем – в общем, что-то наподобие солдатской книжки. Тебя без него в оружейные цеха не пропустят. Да почти никуда и не пропустят – у нас тут с этим строго. Да, а для меня Александр Яковлевич ничего не передавал?

– Нет. Так чего передавать, коли сам скоро будет?

– Ну да, все правильно.

Господин управляющий почти без удивления принял нового сотрудника компании (явно хорошие отношения последнего с личным порученцем князя и главным оружейным конструктором по совместительству уже было вполне достаточной рекомендацией), подписал все необходимые бумаги и даже распорядился выписать небольшой аванс. Так сказать, стал потихоньку наводить мосты.

– Вам что-либо необходимо для осуществления ваших обязанностей?

– Если можно, провожатого от охраны?

Инспекция началась с фабричной столовой: сняв пробу почти со всех предлагаемых мастеровым блюд, Григорий немного вспотел и самую малость расслабился, не забыв напоследок поблагодарить поварих за их мастерство. Следующие три часа он ударно трудился, осматривая буквально все, что только попадалось ему на глаза, не забывая при этом дотошно расспрашивать своего почти добровольного экскурсовода. Выйдя из последнего оружейного цеха и пройдясь напоследок вдоль его длинной стены, он полюбовался на людской муравейник большой стройки за оградой и едва не свалился в непонятную канаву.

– Хм, и не лень же кому-то было такую ямищу копать?

– А эт не мы трудились. Тут поперва чересчур любопытных хватало, так мы им и предлагали на выбор: или в околоток для выяснения личности, или потрудиться чуток. Пьяных дюжин пять ловили среди работяг, да и иных всяких хватало. Зато теперь у нас опосля дождя сухо, а за забором натуральный потоп.

– Молодцы, это вы неплохо сообразили.

Тут инспектор услышал многоголосый звонкий смех, причем явно женский, и заинтересованно стал озираться, поглядывая на окна цехов и пытаясь определить источник звука.

– Да чего там соображать-то, коли на заставе так частенько... ты чего, Григорий Дмитрич? А, понятно. Эт у нас вскоростях цех новый откроют – железяк всяких кучу завезли, баб молодых тож набрали, теперь вот осваиваются. Слышь, гогочут как гусыни?

– Чего это ты их так сурово, Василь?

– Да больно много о себе воображают. Тоже мне фифы городские.

– Понятно все с тобой, хе-хе. Ну я пока холостякую в отличие от некоторых, так что!..

– Да не, Григорий Дмитрич. У них там начальник дюже злощий. Прямо как увидит кого в своем «цветнике», сразу гнать начинает, а особенно нашего брата недолюбливает.

– Так вы ж охрана, вам положено всюду ходить?

– А он племянник управляющего фабрикой, вот и не трогаем. Шоб не воняло!

– Ага. Ну-ка, пойдем осмотрим цех изнутри – что-то мне вдруг так любопытственно стало?

Только Григорий с провожатым успели зайти на второй этаж и подойти к притихшим девушкам (действительно, натуральный цветник – одна другой краше), как к ним быстрым шагом подошел... начальник цеха? Сомнения господина инспектора были вполне оправ-

данны, уж больно молод был мужчина для такой немалой должности, не больше двадцати двух лет.

– Я ведь уже говорил вашему старшему – вам здесь делать нечего! Попрошу выйти и не мешать работе.

– Так я и не мешаю, господин хороший. Сейчас вот все осматриваю, чтобы все в порядке было, и уйду.

– Попрошу вас выйти вон, или я немедленно иду к Андрею Владимировичу!

Удивлению инспектора просто не было границ. Командир раз пять говорил о том, что приказывать ему на фабрике может исключительно он, буквально вдавливал это ему в голову. Все остальные могут только попросить, да и то очень и очень вежливо. Решив, что он что-то не понимает, Григорий сдал назад во всех смыслах, напоследок окинув перешептывающихся красавиц запоминающим и ОЧЕНЬ многообещающим взглядом.

– Вот так и живем, Григорий Дмитрич!

Тем же вечером Сонин не поленился отыскать Гreve для небольшого разговора.

– Валентин Иванович, вы не развеете мои сомнения, ежели вас это не затруднит? Наш новый главный инспектор, он ищет что-то определенное?

– Да ну бог с вами, Андрей Владимирович! Григорий только сегодня узнал, что он, хе-хе, инспектор. Уверяю вас, у него нет ни малейших способностей к данной стезе, а его необычайная осведомленность о наших охранниках объясняется весьма просто: они все служили под его началом, вернее, почти все. Просто, так сказать, свежий взгляд – порой это бывает очень полезно, вы же понимаете?..

– Я уж было подумал! Впрочем, пустое.

Сонин стал чувствовать себя немного уверенней и гораздо, гораздо спокойнее. Пересказав в качестве курьезной шутки все произошедшее в будущем швейном производстве, управляющий тут же улыбнулся, приглашая своего собеседника оценить юмор ситуации. Но к своему удивлению увидел, что Гreve смеяться не спешит.

– Что-то не так, Валентин Иванович?

– Все не так, Андрей Владимирович. Я давно хотел вам указать на некоторое не совсем верное отношение вашего племянника к охране, да все как-то забывал. Думал, время еще есть, ну или там после открытия цеха.

– Боюсь, я не вполне?..

– Григорий такой же личный представитель его сиятельства, как и я, причем пользуется его полным доверием. И он непременно упомянет этот неприятный момент в своем докладе. А если, не дай бог, между ними возникнет стойкая неприязнь – боюсь, что уволиться придется именно начальнику швейного цеха.

– Я думаю, Валентин Иванович, вы преувеличиваете важность этого мелкого события. Вы же сами сказали, что проверяющий из господина Долгина, так сказать, не вполне хорош. Я специально уточнил у Константина, тот не показывал ему никаких документов и ничего не говорил о том, что проводит инспекцию. Так что это всего лишь небольшое недоразумение и не более того.

В Ивантееве Александр задержался не на два дня, а на полную неделю – слава богу, что хоть на свадьбу своей двоюродной сестры опоздал (как и застать в поместье новобрачных) и отделался легким испугом и заранее заготовленным подарком. А вот с Татьяной Львов-ной такой номер не прокатил, пришлось выдержать настоящий допрос и использовать без остатка всю силу убеждения, раз за разом доказывая ей, что в отставку он подал не из за плохого здоровья или какой-нибудь дурной истории. Опасения тетки развеялись только после того, как князь заявил ей: он полон решимости выкупить свое родовое гнездо и привести его в полнейший порядок.

– Вот и молодец. Перво-наперво стряпчий хороший нужен, но уж это я беру на себя, у Белозовых должны быть знакомые. А кредит где будешь брать?

– Какой кредит? Да и зачем он мне? Тетя, я же вам рассказывал о моем производстве.

– Сашенька! На выкуп поместья денег у тебя, может, и хватит, а имение вновь отстроить да обставить, хозяйство наладить, челядь какую-никакую завести? Поверь своей старой тетушке: денег, сколько бы их там ни было, всегда не хватает. Всегда! Тем более ты молод и не женат. А заводик твой, как мне помнится, только-только прибыль стал приносить. Так что даже и не спорь со мной, я пожила изрядно и кое-чего в этой жизни понимаю. Ой, совсем забыла – нас же сегодня на званый ужин ждут!

Переложив все заботы и хлопоты о покупке Агренева на хрупкие плечи своей тетушки – вернее, это она переложила их на себя, мотивируя тем, что ее племянник слишком неопытен в такого рода делах, а также плохо разбирается в людях, да и излишне доверчив, и вообще, он что – не доверяет своей любимой тетке?! – Александр тут же признался в своем полном доверии, облегченно вздохнул и попытался познакомиться поближе со своими будущими владениями. Дабы составить, так сказать, общее впечатление о перспективах их использования. Ключевое слово – попытался. Гости, а вернее, гости в поместье Татьяны Львовны прибывали с такой завидной регулярностью, что все его надежды на «просто погостить» и «походить по осеннему лесу» потерпели крах. Особенно раздражало то обстоятельство, что он должен был участвовать в приеме каждого, кто бы ни заявился с визитом в Ивантеево. Сидеть на веранде вместе со всеми, пить чай с вареньем, вести ни к чему не обязывающие разговоры о всякой чепухе с самым серьезным выражением лица. При этом не забывать делать разнообразные комплименты, провожать и старательно НЕ понимать разнообразные по содержанию и одинаковые по смыслу намеки. В общем, на седьмой день будущий помещик самым позорнейшим образом сбежал от нежно-возвышенных, мило-утонченных девиц и их излишне активных мамаш. Потому как сильно опасался, что не выдержит и начнет посылать всех открытым текстом. А тетушку расстраивать не хотелось...

Непонятно по какой причине, но последние пятнадцать – двадцать верст до Сестрорецка поезд не ехал, а скорее крался. Несмотря на это и к большому удивлению Александра, прибыл он вовремя, ровно в час пополудни. Отмахнувшись от подскочившего к нему носильщика, молодой фабрикант вышел на перрон и задумался.

«Что-то я не помню, как там обстоят дела с моим жилищем: можно уже вселяться или там из мебели только один рукомойник? Конечно, Валентин Иванович не откажет в гостеприимстве, но все же удобнее будет переночевать сегодня в гостинице».

Быстро покончив со всеми формальностями, князь оставил свой немногочисленный багаж (даже, можно сказать, очень немногочисленный – состоявший из одного-единственного «счастливого» чемоданчика из крокодиловой кожи) в номере. После чего в порядке эксперимента решил добраться до фабрики своим ходом – тело отчетливо просило движения, а еще лучше, хорошей такой силовой нагрузки. Прогулочным шагом пересекая не сильно большой городок и обдумывая попутно на ходу, чем ему заняться в первую очередь, Александр рассеянно поглядывал по сторонам. И не сразу поймал себя на том, что совершенно неприличным образом пялится на идущую впереди него парочку – и ладно бы на девицу: она была уже вполне взрослой и даже отменно фигуристой, лет этак примерно шестнадцати. Так нет же, он рассматривал ее кавалера, который выглядел (и был) угловатым подростком, года на три помладше своей спутницы.

«Ну точно, один в один – спецовка моих мастеровых. Только оттенок немного другой и по фигуре подогнано. Как интересно! А ну-ка прибавим шаг».

– Тебе хорошо, а нас опять оставят!

– Че, опять? Он, поди, и не приедет вовсе, а вы там уже какой день все готовитесь да тряпками машете. Ну тогда мамке скажешь, что я на речку с ребятами, да?

«Да это же брат с сестрой. Причем очень похоже на то, что они вместе учатся в моей фабричной школе».

Бросив напоследок еще один взгляд на униформу «школьника», Александр от удивления споткнулся, а потом опять прибавил шаг и вежливо кашлянул.

– Ой!

– Прошу прощения, сударыня. Сударь, могу ли я осведомиться, где можно пошить такой любопытный костюм?

Пока девица моргала своими красивыми глазками (не каждый же день подходят и называют сударыней, словно барышню из благородных) и пыталась сообразить, чего от них хочет этот важный, явно небедный и весьма симпатичный господин, ее спутник честно признался:

– Эт мне матушка сделала, она у меня швея. А что?

– Да вот, понравился покрой. Кхм. Меня Александр зовут, а вас как?

Паренек открыл было рот, но сказать так ничего не успел. Это его сестра наконец-то пришла в себя и тут же вклинилась в беседу:

– Маша! А брат Силантием будет.

– Рад нашему знакомству. Так как я могу увидеть вашу матушку?

Родственники дружно переглянулись и почти одновременно сказали друг другу:

– Я провожу!

Судя по результатам хоть и короткого, но очень энергичного спора, в семье у них царилась самая что ни на есть оголтелая бабовщина. Потому что решающий аргумент прозвучал так:

– Тебя мама заругает!

В результате паренек отправился прежним курсом, а Машенька немного торопливо повела князя за собой, то и дело покрываясь легким румянцем и стараясь не сильно откровенно разглядывать своего попутчика. Идти пришлось недолго, и уже через десять минут они подошли к небольшому, но очень ухоженному дому: во всем чувствовалась хозяйская рука, от одинаково ровного заборчика и свежей побелки стен до любовно ухоженного палисадника с ровными рядками грядок.

– Чего изволите, господин хороший?

– Кхм. Ваш сын сказал, что костюм ему вы шили сами. А ткань для него где взяли?

Насторожившаяся было женщина слегка расслабилась и тут же шикнула на дочку, попытавшуюся задержаться рядом и немного «погреть уши»:

– Опаздываш! А зачем это вам, господин хороший?

– Меня Александр Яковлевич зовут, а вас?

– Зина. Зинаида Меркуловна буду.

– Так вот. Если есть еще такая ткань, так я бы купил?

– Хм. Ну, положим, это я сама сделала. А сколько, вы говорите, вам надо?

– А сколько есть, столько и возьму.

Через пару минут Александр мял и гладил маленький рулончик серовато-коричневатой материи, одновременно пытаясь найти в ней отличия от той «джинсы», что он помнил.

«Цвет другой. Погрубее немного и явно прочнее. Как это я удачно зашел!»

– А еще мягче можно сделать?

– Так чего сложного-то? Берешь да делаешь. Я сколько надо, столько и спроворю. Ежели в цене сойдемся.

– Сойдемся! А технологию изготовления не продадите?

Александр увидел откровенное недоумение в глазах своей собеседницы, запнулся и стал говорить попроще:

– Понравилась мне ваша ткань. До того понравилась, что захотелось и самому такую выделывать, тем более что у меня вскоре небольшая мануфактура будет, как раз швейно-ткацкая. Вы моим мастерицам все покажете да растолкуете подробно, что и как делаете, а я вам заплачу за труды. Сколько скажете, столько и заплачу. Как?

Женщина раздумывала недолго: оглядев князя с ног до головы так, будто видела его в первый раз, тряхнула головой и, довольная, согласилась:

– Чего ж не растолковать, коли просят. Вот... А ежели я двести рублей попрошу?

Фабрикант молча достал портмоне и вложил в руку оторопевшей женщины пять радужных ассигнаций, заставив ее на автомате перекреститься от вида ТАКИХ деньжищ.

– Что-то мало вы свой труд цените, Зинаида Меркуловна. Когда выделка пойдет – вам еще столько же будет. Договорились?

– А... Это... Коли не выйдет ничего, тогда что – денежки взад, да?

– Тогда это будет платой за беспокойство. Так мы договорились?

– Договорились! Куда прийти?

– В заводууправление новой оружейной фабрики. Знаете где? В два пополудни или немного позже, как вам удобнее будет. Назовётесь охране – вас ко мне и проводят.

Судя по легкой задумчивости на лице Зинаиды Меркуловны, она начала спешно вспоминать имена всего фабричного начальства, но, по всей видимости, до правильных выводов так и не додумалась.

– Непременно, как есть буду. Всего хорошего вам!

Неуловимо быстро спрятав ассигнации куда-то под передник, хозяйка проводила своего гостя (практически благодетеля) до калитки, подозрительно поглядела по сторонам, еще раз попрощалась и тут же бодрым шагом заспешила в дом.

«Сейчас разложит сотенные на столе, проверит-осмотрит каждую и запрячет так, что хрен найдешь. Бойкая женщина, и это внушает определенные надежды».

Добравшись до фабрики, ее хозяин добрых полчаса слышал в основном одну и ту же фразу, причем практически без изменений:

– С прибытием, Александр Яковлевич!

Сезон «приветствий» открыла охрана, затем господин управляющий, затем эстафету подхватили работники бухгалтерии (именно работники, женщину для такой ответственной работы Александр так и не смог найти, да и не пытался – бесполезно), потом в полном составе отметились работники опытного участка во главе с Валентином Ивановичем.

«Это я еще попросил Андрея Владимировича не афишировать мой приезд сегодня. А то наверняка бы еще куча народу набежала, так сказать, посылить выразить охватившую их радость и почтение. А может, еще и заявятся, время далеко не позднее. Строители, например».

– Помаялся да на четвертый день ко мне подошел – занятие для себя попросил.

– Гм. Простите, Валентин Иванович, каюсь – прослушал. Кто подошел?

– Григорий Дмитриевич.

– О?... И к какому же делу вы его приставили? Признаться, мне крайне любопытно.

– Ну, памятуя о его пристрастии к стрельбе – на испытания новых моделей «агрени» и всех вариантов патронов с остроконечной пулей. Собственно, больше ничего и в голову не приходило, да-с. Кстати, не изволите ли освидетельствовать наши достижения за прошедшее время?

Валентина Ивановича явно распирало желание как можно скорей начать хвастаться. То есть как можно более подробно отчитаться об очередных достигнутых рубежах. Ну и услышать одобрение вместе с похвалой, желательно – в виде небольшой, но очень приятной премии.

– Вот-с, прошу!

На длинный деревянный верстак слесаря сгрузили три ящичка-кейса и тут же отошли в сторону, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания – а то еще попросят устроить перекур на свежем воздухе. Откинув крышку на первом, Александр любовно провел кончиками пальцев по оружейной стали.

«Так. «Рокот-компакт», давно пора. Такой же «орел», а вот и обещанные сюрпризы»

Пистолет сверкал и привлекал к себе внимание, словно бы магнитом притягивая взгляд своей необычно контрастной отделкой. Очень простой, но от того не менее красивой, в которой гармонично сочеталось как фиолетово-черное воронение, так и ярко-белое покрытие. Хромом?

– Это вы чем так? Никель, хром?

– Никель, Александр Яковлевич. Гальванеры наши расстарались. А вот вариант с хромированием. Еще одна модель, по моему скромному мнению просто-таки обреченная на коммерческий успех.

Греве открыл второй ящичек и достал другой пистолет, тоже никелированный, но несуразно маленький, в котором с некоторым трудом (и изрядной долей фантазии) можно было опознать основательно изуродованную «плетку». Подал его Александру, вместе с магазином на пять патронов, оружейник пояснил:

– Господин Грейн несколько раз интересовался, нельзя ли и для дам что-либо придумать. И очень просил увеличить поставки «орла». Прямо-таки в каждом письме, самым настоятельным обра... так вот: имеются еще несколько вариантов дамских пистолетов, в том числе и револьвер под малокалиберный патрон.

«Н-да. Ведь знал о такой возможности, но даже не озаботился намекнуть на нее мастеру. А Валентин Иванович молодец, начал о дальнейших перспективах думать. Военные в высоких чинах сродни воронам и так же падки на все блестящее. Надо будет срочно готовить подарочные комплекты – скоро опять в Ораниенбаум ехать, общаться с высокой Комиссией. Или не скоро?»

Оружейник, заметив, что князь положил обратно дамский пистолетик, тут же с видом фокусника извлек из кейса новый сюрприз: с виду обычный «рокот», только у этого все формы были чуть больше «зализаны», ствол выступал немного вперед и был заметно толще, вдобавок имел резьбу под глушитель. Предохранитель на три позиции, рукоять длиннее привычной. Интересно почему?

«Потому что к ней крепится приклад из стальной проволоки. А вот и он, как и обоймы повышенной емкости. Охренеть! Интересно, он мне тут пулемет не изваял случайно – так, промежду делом?»

– Это я учел некоторые ваши пожелания, Александр Яковлевич. По поводу скрытого ношения и удобства применения – в том числе. Покамест в единственном экземпляре изготовлено, но ежели будет ваше одобрение... Пришлось немного переделать спусковой механизм и еще кое-что по мелочи: ствол, пружина, предохранитель – зато теперь он выдает по три выстрела зараз!

Князь повертел оружие в руках, попробовал разные хваты, сунул в карман и примерился, как он извлекается обратно. После чего с тяжелым вздохом сожаления положил красавца обратно, но недалеко от себя.

– Валентин Иванович, если вы сейчас и самозарядную винтовку мне представите...

– Увы, Александр Яковлевич, увы. Тут пока особых успехов нет – можно сказать, все только начинается, да-с. Но и без этого есть чем порадовать. Вот, прошу, все как вы и заказывали!

Теперь Александр держал в руках нечто, очень похожее на легенду. «Маузер K96», любимое оружие будущих революционеров. А что, похож, даже очень! Только магазин отъемный и калибр в три линии. Вот это вес у кобуры-приклада! Да им одним убить можно,

если удачно кинуть и попасть. А, еще и запасные магазины в него впихнули, тогда понятно. И все же тяжеловата будет штучка, особенно для постоянного ношения на поясе. Зато как дубинка просто выше всяких похвал. Да. Линейка пистолетов вышла просто на загляденье, вернее, на любой вкус, цвет и размер».

– Очень хорошо, Валентин Иванович, я завтра же, прямо с утра, поработаю на стрельбище и надеюсь, замечаний будет немного. А как идут работы по новым боеприпасам?

Когда в опытный участок торопливо зашел Григорий, принес с собой стойкий запах сгоревшего пороха и оружейной смазки, князь с непонятым выражением на лице разглядывал пилу. Никелированную ампутационную пилу номер два, из большого хирургического набора, сверкавшую в отраженном свете солнца своими мелкими, но даже на вид очень острыми зубчиками. Неприятно так сверкавшую, очень неприятно.

– Командир, ну наконец-то!!!

– Здравствуй, Гриша. Смотри какая штучка! Прямо мороз по коже, как подумаю, для чего она предназначена!

– Да?... И для чего?

– Ноги-руки отпиливать живым людям. Ты чего, мне не веришь, что ли?

Гриша гулко сглотнул и стал не таким жизнерадостным, а когда кинул взгляд на верстак, то еще больше посмурнел. От вида всевозможных зажимов, непонятных крючков-ножичков и прочих блестящих железяк самого что ни на есть хищного вида, сильно смахивающих на обычные инструменты... самого обычного палача.

– Что, правда, что ли? И зачем это надо – у живых людей ноги пилить?

– Ну как же? Для их же пользы. Бывает, потом еще и благодарят. Иногда.

Всю сценку испортил Греве: внезапно закашляв, он отвернулся и затрясся в конвульсиях смеха. Его примеру последовал Александр, а следом и мастеровые, измученные длительным молчанием, жизнерадостно заржали. Но тут же спохватились и сделали вид, что ничего такого и не было, потому что смеяться над начальством в присутствии этого самого начальства – ну его, от греха подальше. Опять же говорят, что для жалованья очень вредно. Последним заулыбался сам Григорий, сообразивший, что его попросту разыграли.

– Ну видел бы ты свое лицо! Уж прости, не удержался. Кстати, ты же как-то раз попадал в лазарет и на столе у хирурга побывал – неужто не видел ничего подобного? Мне вон той ерундовиной рану чистили разок, так на всю оставшуюся жизнь запомнил.

– Видел? Да чего я там видеть-то мог? Седмичу только и дали поваляться, а потом на излечение выпнули. Это... Мож, до столовой дойдем, а?

Греве и князь переглянулись, прислушались к своим животам. Зря старались, Гришина утроба своим урчанием заглушала все.

– Хорошее, а главное, очень своевременное предложение!

Зинаида Меркуловна оказалась женщиной не только бойкой, но еще и пунктуальной: ровно в два часа дня она подошла к охраннику и заявила, что ее ждут. Тот оглядел ее, уделив особое внимание затейливой вышивке на пышной груди, и лениво поинтересовался:

– Кто ждет? Ежели насчет работы, так энто тебе в управу надо. Только я и так тебе скажу: не нужен пока никто.

– Мне к Александру.

– Тут Александров много, к какому именно?

Страж ворот как-то странно поперхнулся, непроизвольно вытянулся по стойке «смирно» и разгладил складки на своей форме.

– Вы это, обождите немного, щас все устроим!

Рысью убежав в караулку, охранник почти сразу же вернулся обратно в компании старшего смены. Тот был приветлив так, будто увидел собственную жену после долгой разлуки,

отчего Зинаида даже оглянулась в сомнении – точно ей улыбаются? А то, может, кто за спиной стоит да рожи корчит. Поинтересовавшись драгоценным именем уважаемой посетительницы и кивнув самому себе, старший охранник повел швею по аккуратно ухоженным дорожкам, мимо больших цехов из красного кирпича, красивых клумб с цветами и деловито спешащих мастеровых. Шли недолго, и чем ближе подходили к невысокому заборчику из толстых досок, тем чаще украдкой крестилась женщина: такое впечатление, что невдалеке от них кто-то оживленно воевал – до того часто звучали хлопки выстрелов.

– Это что у вас такое тут творится-то?

– Да вы не обращайтесь внимания, Зинаида Меркуловна. Вот тут на лавочке немного обождите, я быстро обернусь.

Ее наниматель появился через пять минут, одетый в такую же непонятную одежду, что и проводник. Только тот был застегнут на все пуговицы и чистый, а у Александра оба рукава слегка закатаны, на одном из них пыльный след, воротничок нараспашку, к штанинам пристали сухие травинки, и на ремне кобура с большущим пистолетом.

– Что, уже пора? Как быстро время летит! Ступай, Егор, дальше я сам.

Тут из-за забора показался еще один мужчина – и тоже с кобурой на поясе, состроивший вопросительную гримасу.

– Чего, командир, все на сегодня? Или еще попозжа?

– Да вот, дела образовались. Забери-ка у меня «рокот», не ходить же с ним по заводу. Не дай бог, Сонин увидит – подумает чего дурное.

– А ты сейчас куда?

– К нашим швеям и ткачихам, порадую их первым заданием.

– О, тогда и я с вами.

В этот раз начальник цеха выгонять Григория не рвался: спокойно подошел, вежливо (с некоторой натугой, но все же) поздоровался. После чего подозрительно оглядел непонятную парочку из неряхи-охранника и женщины лет так сорока, осматривавших в глубине первого этажа станки. Причем первый бесцеремонно срывал защитные чехлы с оборудования и что-то объяснял, а вторая не ленилась пощупать (с явно видимым почтением) и погладить все своими руками.

– Простите, господин инспектор, эти люди – ваши подчиненные?

– Э? А разве у меня такие есть?

– Так. Опять, значит!

Собеседник Григория моментально закипел наподобие чайника и резво двинулся наводить порядок на своей территории. А господин Долгин злорадно улыбнулся, подошел поближе и приготовился слушать и наслаждаться.

Молодой промышленник как раз спрашивал у привлеченного специалиста, что той надобно для начала трудового процесса, как его бесцеремонно прервали:

– Попрошу покинуть помещение!

Зинаида Меркуловна, не раздумывая, сделала шаг к выходу и остановилась – ее работодатель уходить не спешил, вместо этого с явным удивлением осведомился у своего гонителя:

– Собственно, вы кто?

– Начальник этого цеха!

– И чем же мы вам помешали, господин начальник цеха?

– Тем, что создаете неудобство для производственного процесса и мешаєте персоналу. Мне повторить свое требование? Посторонним здесь не место!

– С каких это пор я стал таковым?

Александр все никак не мог понять – это розыгрыш? Или молодчик напротив него на полном серьезе выгоняет ХОЗЯИНА фабрики из цеха этой же самой фабрики?! Все мастеровые его в лицо конечно же не знали, но вот среди инженерно-технического состава таких просто не осталось – особенно после прошлого его визита на фабрику, когда он устроил большое турне по всем цехам. И кому это он тут мешает? Два наладчика – вот и весь «персонал».

– Вижу, что по-хорошему вы не желаете. Господин инспектор!

Григорий тут же подошел с самым невозмутимым выражением на лице:

– Да, Константин Эдуардович?

– Не могли бы вы известить старшего охранной смены о происходящем здесь безобразии?

– Отчего же, только рад буду. Командир?

– А я порадуюсь, если ты этого крикуна с собой заберешь. Хотя действительно, давай-ка сюда старшего охранника.

– Что здесь происх...

Князь, недослушав, оборвал:

– И все рапорта по этому цеху пусть прихватит – посмотрим, нет ли нарушений каких или замечаний. Зинаида Меркуловна, вы пока ходите, осмотритесь, подумайте, с чего начнем. А как я освобожусь, мы с вами продолжим.

Притихшая от обилия впечатлений женщина как-то робко кивнула и бочком-бочком отошла в сторону: она моментально поняла, с кем так непринужденно общалась последнее время. Работающий на фабрике муж не раз говорил ей, что охрана фабрики подчиняется только ее владельцу.

– Ну что же, господин начальник. Позвольте и мне представиться: князь Агреньев, Александр Яковлевич. Пока Григорий Дмитриевич выполняет вашу просьбу, не будете ли вы так любезны устроить мне экскурсию по МОЕМУ цеху?

Первое, что бросилось ему в глаза при виде мастериц, – их молодость.

«Хм, прямо как на подбор: статные, красивые, ни одной дурнушки нет – вот только что-то сомнительно мне, что у них большой опыт. Скорее уж большие... кхм. Какой у меня гид скромный да молчаливый стал, ну просто прелесть. Только что-то уж больно бледноватый».

Везде, где проходила парочка из неряхи-охранника и начальника производства, наступала полная тишина и следовал острый приступ трудоголизма в самой тяжелой его форме – вот только делать девушкам было практически нечего. Оборудование уже стояло (правда, кое-где еще возились слесаря, настраивая и проверяя все в последний раз), да вот материал для работы отсутствовал: так, едва-едва пошить сотню рукавичек или пару спецовок для рабочих. Но не впятером же одну варежку кроить?

«Интересно, чем же они день напролет занимаются?»

Этот же вопрос он повторил вслух – оказывается, осваивают до ужаса современное оборудование путем перевода немногочисленных запасов ткани в разные изделия и отходы.

– Например?

– В основном одежду для мастеровых.

– Понятно. Кстати об одежде.

Выбрав девушку с иголкой в руках, Александр в два шага оказался рядом, раскатал правый рукав своей куртки-ветровки и ласково поинтересовался:

– Красавица, ты мне не поможешь? Рукой неловко дернул, пуговица и отлетела.

Залившаяся румянцем девушка в два счета ликвидировала непорядок, поведала, что ее зовут Дашенька, и умчалась – видимо, по очень важным и неотложным делам. Проводив ее взглядом, князь задумчиво-одобрительно хмыкнул. Оглядел оставшихся девиц (у всех были одинаково серьезные лица) и решил, что на сегодня увидел вполне достаточно.

– Ну что, Константин Эдуардович, теперь поговорим о вас?

Глава 2

Вернувшись на первый этаж, князь понял – сегодня он на стрельбище не вернется.

«Гришка с главсторожем – это понятно, сам сказал привести. Но откуда здесь Лунев взялся?»

Пока Александр удивлялся, народу добавилось: вначале подошел господин управляющий с тонкой кожаной папкой в руках, затем почти одновременно подтянулись Гreve и прораб от строителей, а на заднем фоне неприкаянной тенью бродила некогда бойкая швея. Поприветствовав всех новоприбывших, князь тихо вздохнул и стал выяснять, кому он нужен срочно, а кому не очень: стряпчий легко согласился перенести свой отчет на вечер, Гreve пришел за замечаниями-пожеланиями по результатам испытаний новинок и вполне мог обождать. Один прораб оказался максималистом и заявил, что заказчик должен посвятить ему как минимум полдня – уж больно много вопросов накопилось.

– Каких вопросов, позвольте осведомиться?

– Да все тех же, ваше сиятельство, все тех же. Ваш управляющий регулярно вносит изменения в утвержденный план-график строительных работ, вследствие чего возникло несколько сомнительных моментов. А также дополнительные траты. Мне ведь лишних материалов и людей взять неоткуда, а он все добавляет и добавляет!

– Понятно. Перенесем наш разговор на следующий день, вернее, позднее утро. И вам всего хорошего. Андрей Владимирович, у вас что-то важное?

– Да, Александр Яковлевич, но тоже может обождать: несколько бумаг, требующих вашей подписи, доклад о состоянии дел на фабрике, также хотелось бы узнать, когда вы планируете провести смотр школы. Кстати, в вашем доме навели порядок и завезли все необходимое, не прикажете ли посыльного в гостиницу за вещами?

– Был бы вам очень признателен. Через полчаса я сам зайду в управу, и, кстати, мне бы хотелось побеседовать в вашем присутствии с начальником этого цеха. Есть, знаете ли, к нему несколько вопросов.

Отправив стряпчего в компании с Григорием и Валентином Ивановичем осматривать свой коттедж, князь завершил-таки беседу с оробевшей Зинаидой Меркуловной, проводил ее до проходной и... слегка очумело потряс головой, глядя ей вслед – что-то уж больно много говорить приходится. Постоял немного в тишине и отправился на третий этаж управы, прикидывая по пути, что же он сегодня еще успеет? Выходило, что ничего, так как остаток дня его уши будут плотно заняты.

«Между прочим, там и мой кабинетик должен быть в наличии. Надо бы его осмотреть».

Рабочее место Сониной оказалось неожиданно маленьким: почти все свободное пространство занимал большой стол для совещаний и стеллаж с разнообразнейшими справочниками и образцами продукции. Мирной в основном. Было и оружие: на лакированной буковой подставке, слева от окна, на манер японских мечей возлежали две «агрени» и одна МАг. Над ними на отдельных подставочках висели пистолеты. Жестом вернув управляющего на законное место за столом (которое тот было попытался ему уступить), Александр устроился на стуле для посетителей и выложил перед собой жиденькую стопочку листов.

– Так. Начнем, господа. Андрей Владимирович, отчет по предприятию я выслушаю завтра, и, кстати, можно и на дому. Как-никак суббота будет, ваш законный выходной. Константин Эдуардович, позвольте полюбопытствовать, какое учебное заведение вы окончили?

Бледновато выглядевший начальник цеха кашлянул и с готовностью ответил:

– Императорское Московское Техническое училище, ваше сиятельство.

– По специальности?

– Техник-механик, ваше сиятельство. Выпуск прошлого года.

– То есть опыт работы именно в ткацком или швейном производстве у вас отсутствует. Далее, я заметил, что весь персонал составляют исключительно молодые девушки. Вы не объясните мне, почему так?

– Так ведь оборудование новое, и я подумал, что будет проще набрать именно молодых. У них нет детей, следовательно, больше времени на освоение станков и саму работу. Опять же скорость обучения выше, и жалование можно меньше платить в первый год.

– Логично. Насчет жалования вопрос спорный, но в общем и целом подход верный, да.

Племянник и дядя быстро переглянулись и позволили себе: первый – улыбнуться, а второй слегка расправить плечи. Ненадолго.

– Из рапортов охраны следует, что вы дважды пытались пройти в оружейные цеха. Скажите, вас там интересует что-то конкретное?

Теперь уже Сонин побледнел и замер, а его племянник растерялся – вопрос прозвучал вкрадчиво-угрожающе и подразумевал **ОЧЕНЬ** правдивый и убедительный ответ. Пока Константин хлопал глазами и мучительно пытался подобрать слова (что было весьма и весьма непросто сделать под тяжелым взглядом князя), Андрей Владимирович начал спешно выправлять ситуацию:

– Ваше сиятельство, насколько я помню, это было в один из первых дней работы Кости. Простите, Константина Эдуардовича. Тогда он еще не вполне освоился с нашими порядками. Уверяю вас, в дальнейшем такого не повторилось!

Фабрикант в показном сомнении покачал головой и продолжил разнос:

– Разве? Вас ознакомили с правилами внутреннего распорядка? Тогда почему вы не допускаете охрану к осмотру цеха?

– Ваше сиятельство! Эта охрана больше на девиц смотрит, а не на помещения. И остальные туда же: что ни день, так новый ухажер!

«Он себе за мой счет гарем решил собрать, что ли?»

Судя по тому, как поморщился Сонин, он тоже подумал что-то в таком же духе.

– По этому вопросу напишете служебную записку – и поменьше эмоций. В дальнейшем, будем надеяться, вы не дадите более поводов для нареканий. Теперь о работе. Завтра в цех подойдет женщина – вы могли ее видеть рядом со мной, – отнеситесь внимательно ко всем ее пожеланиям, я попросил ее помочь наладить выделку перспективного вида ткани. В случае затруднений – к Андрею Владимировичу или ко мне. Вопросы? Отлично, тогда я вас более не задерживаю.

Подождав, пока Константин выйдет, владелец фабрики осведомился у своего управляющего: чем тот руководствовался, назначая на новое производство неопытного выпускника? Родственными чувствами? Тактично напомнив Сонину, чем тот рискует, в ответ Александр услышал искреннее покаянное признание:

– Ваше сиятельство, да я и сам понимаю, что он еще неопытный юнец, но где взять опытного? И родственник он мне достаточно дальний: его матушка приходится сестрой моей жене. Собственно, она и хлопотала. Аттестат у него отменный, специализация подходящая, старательность есть. Даже бывает что и чремерная. Конечно, решать вам.

– Поглядим, как он себя проявит. Хорошо. Ах да! Вы не покажете мне мой кабинет?

Просторный (раза в два больше, чем у управляющего), пустынный, с массивной мебелью и огромным окном на всю стену – он сразу не понравился владельцу. Так не понравился, что Александр тут же предложил своему спутнику поменяться рабочими местами, моментально получил довольное согласие и распорядился напоследок:

– Поставьте мне надежный сейф, наподобие вашего. Даже два: один большой на виду и один маленький где-нибудь в укромном местечке.

До своего нового дома князь добрался уже в подступающих сумерках: несколько бумаг, требующих его подписи, чудесным образом увеличились до полусотни. Каждую требова-

лось обсудить, уточнить, принять решение! Нет, в принципе с большей частью Сонин мог разобраться и сам, но, видимо, господин управляющий попросту решил подстраховаться. Не без труда сориентировавшись, Александр преодолел последние лужи грязи, обогнул пару куч земли и вышел на утоптанную дорожку, заканчивающуюся у крыльца небольшого и уютного коттеджа. Относительно небольшого, конечно: и второй этаж был, и мансарда, и все прочее – чего на себе любимом экономить? В гостиной и вообще на первом этаже было пусто, и он отправился на поиски своих гостей выше. Кабинет встретил его потрескиванием рдеющих углей в камине и задремавшим в кресле стряпчим, а Гриша и Валентин Иванович обнаружили в соседней комнате. Но были так заняты обсуждением интересующей обоих темы, что даже не услышали его шагов.

«Ну конечно, о чем могут разговаривать два мужика на отдыхе: об оружии и бабах. Пардон, женщинах. Я удивлюсь, если спиртного не увижу».

– Сидите-сидите, я уж как-нибудь сам налью.

Князь немного помедлил да и махнул на все рукой – дела подождут, а вот возможность просто посидеть и поговорить в хорошей компании бывает нечасто. А она была хорошей, причем вскоре стала еще лучше, потому как Лунев, разбуженный громкими голосами и смехом, поспешил присоединиться к такому замечательнейшему действу.

Несмотря на солидную дозу алкоголя в крови (а может, именно поэтому), спать не хотелось, – поворочавшись с полчаса в постели, Александр встал, походил немного по комнате и неожиданно даже для себя захотел полюбоваться ночным небом. Вдосталь насмотревшись на звезды и ярко сияющее Волчье солнышко (тем более красивое, что было полнолуние), молодой мужчина вернулся в дом. Прошел в кабинет и, подбросив в зев камина тройку ошкуренных от коры полешков, устроился поудобнее в кресле перед огнем, бездумно любуясь танцем пламени.

«Как можно влиять на сильных мира сего? Стать им полезными – и к тебе будут прислушиваться. Или стать таким же, как и они, доказав свое право на ВЛАСТЬ. Все мои предприятия ничего не значат в глазах любого великого князя. Или министров. Зато значит титул. Правда, не так уж чтобы много. А для других ничего не значит то, что я дворянского рода, а вот заводы (особенно прибыль от них) значат, и немало. Как бы все это соединить?»

Александр встал, походил в раздумьях и уселся обратно. Опять вскочил и принялся нарезать круги вокруг письменного стола, время от времени останавливаясь и яростно черкая карандашом на листах отличной мелованной бумаги.

«Главное – заработать доверие у крестьян и мастеровых. Ведь они всего лишь девятью пять процентов населения империи – такая малость, право! А заработать его можно только делами. Причем связанными с их бытом и нуждами, а не... В принципе как князь империи я легко приобрету землю. А как промышленник и начинающий политик я четко знаю, где это лучше сделать. Только надо все хорошенько обдумать, прикинуть, расписать по пунктам. И если лет через пятнадцать – двадцать мои цели будет разделять хотя бы десять процентов населения империи, у меня появится настоящая точка опоры. Вот тогда и посмотрим, кто будет голодать, а кто жиреть на чужой крови».

В широком окне в кабинете хозяина фабрики до самого утра горел свет.

Компания собралась в том же составе: свежие, отдохнувшие, полные сил!.. Прямо будто бы и не сидели вчера до часу ночи. Лунев разложил свои бумаги и даже открыл было рот, но сказать ничего не успел.

– Вениамин Ильич, у меня есть для вас новые поручения.

Стряпчий тут же преисполнился неподдельного внимания и предвкушения: хотя все задания его клиента были разные, они неизменно обогащали и его. Опять же это были не

уныло-рутинные (и копеечные) тяжбы в судах, а крупные, можно сказать – миллионные дела! Да и его репутация как юриста заметно упрочилась. Вообще, в последний год с ним стали приветливо здороваться даже те, кто его раньше и в упор не замечал.

– Я решил приобрести крупный участок земли. Вернее, несколько таких участков.

Вениамин Ильич не глядя раскрыл свой портфель и вытянул из него перьевую ручку, готовясь записывать прямо на своих отчетах.

– Меня интересует местность по рекам Амур и Уссури. Чем больше, тем лучше. Также земля рядом с озером Байкал, вернее, вокруг него. А еще лучше вместе с ним. Постарайтесь устроить все побыстрее вскоре возможно подорожание. И, Вениамин Ильич, для меня это очень важно.

– Э? Александр Яковлевич, а по каким причинам там подорожает земля? Это же несусветная глушь, я про озеро только от вас и услышал. И о второй реке тоже.

– Сведения тайные, прошу это учесть.

Александр обвел всех значительным взглядом, повышая интерес к своим словам.

– В следующем году будет принято решение о строительстве железной дороги на Дальний Восток империи, к побережью океана. Одна из веток будет проходить рядом с Амуром, другая – рядом с этим озером. Второе. Нужен дом или участок под его постройку в столице: для устройства оружейного салона и представительства компании, вернее, обеих моих компаний. Ну и напоследок: нет ли у вас на примете полицейского в отставке? Честного, обязательно умного и с хорошим опытом работы с мошенниками и тому подобной публикой?

– Простите, а зачем? Я к тому, чтобы мне не ошибиться.

– Некоторые наши постоянные покупатели выражают желание... сильное желание брать товар в кредит с выплатой положенного после его реализации. Я ничего не имею против. Но хочу заранее оценить возможные риски и знать ВСЕ о таких господах. Вот этим и будет заниматься рекомендованный вами человек – если сам пройдет проверку. Ну и еще кое-чем по мелочи.

Лунев глубоко задумался и сидел так минут пять, после чего уверенно кивнул:

– Есть такой, Александр Яковлевич. И даже не один! Дайте мне пару дней навести справки, после чего я представлю вам подходящие кандидатуры.

– Хорошо, я скоро собираюсь в Петербург, там все и обсудим более подробно.

Прервавшись ненадолго на завтрак, устроенный предусмотрительным Греем на свежем воздухе веранды (как потом выяснилось, тот договорился с женой управляющего фабрикой о долгосрочной «аренде» ее кухарки), они продолжили беседу-совещание с новыми силами. Тем более что к ним почти сразу присоединился и Андрей Владимирович – и опять-таки с неразлучной папкой в руках.

– Ну-с, теперь-то я могу? Угум. Я виделся с господином Луцким, и он согласен встретиться с вами в любое удобное время. Удобное вам, Александр Яковлевич. Собственно, он наверняка ждет телеграмму и немедленно выедет – и знаете, мне показалось, что он питает нешуточные надежды, да-с. С остальными господами из вашего списка пока неясно, ими занимаются мои помощники, но я думаю, каких-либо сложностей не будет. Теперь о деле с акциями Коломенского завода. Господин Лессинг категорически отказался даже говорить на эту тему, как и Радзевский. А вот третий крупный акционер, господин Бисер, согласен, но просит на двадцать процентов больше нынешней цены. К моему глубочайшему сожалению, на таких условиях покупка завода не представляется возможной.

Тихо сидевший «сосед» – его дом был всего в двадцати саженьях от этого – слегка кашлянул, привлекая к себе внимание, и осторожно поинтересовался:

– Прощу прощения, Александр Яковлевич, что вмешиваюсь в вашу беседу. Скажите, а завод нужен именно в Коломне? Ежели нет, то паровозостроительный завод в Людинове почти не хуже. Был, по крайней мере.

– Хм? Пожалуй. Вениамин Ильич, узнайте все по этому вопросу. А по поводу Коломенского машиностроительного – все же скупите все акции у мелких держателей, пока на свое имя. И передайте мне все материалы об остальных акционерах – возможно, я смогу уговорить их немного погодя.

– Слушаюсь. Далее.

Стряпчий немного поерзал на своем месте, попутно извлекая из портфеля пачку писем и счетов.

– К винтовке «агрень» проявили интерес господа из Греции и Аргентины. Они желают как можно быстрее провести сравнительные испытания.

– Простите, что перебиваю вас, а с чем будут сравнивать?

– Наши основные соперники – это фирма братьев Маузеров и Манлихер, но, по моему сугубому мнению, их шансы достаточно слабы. Я могу продолжать? Благодарю. Также их интересуют пистолеты, но это еще не точно. Деньги за сотню винтовок уже поступили на счет компании, но возникли некоторые сложности. Андрей Владимирович сказал, что их серийная выделка еще не началась, а готовые без вашего разрешения?..

Лунев сделал паузу и вопросительно поглядел на князя. Тот благожелательно кивнул и успокоил Вениамина Ильича одной фразой:

– Завтра отгрузят.

– Благодарствую! И если это только возможно, нельзя ли в сопровождение дюжину ваших ветеранов? Будет кому демонстрировать оружие, да и мне, знаете ли, поспокойнее.

– Григорий?

– Сделаем, командир.

Дождавшись своей очереди, заговорил Сонин. По его словам, подкрепленным многочисленными доказательствами на бумаге, чистая прибыль в месяц составляла никак не меньше полста тысяч. В основном больше, причем был сильный перекося в пользу мирной продукции, но благодаря все возрастающим аппетитам Вальтера Грейна соотношение потихоньку выправлялось. Дела на фабрике обстояли очень хорошо, даже отлично местами. А вот за ее пределами проблемы были, точнее, одна, зато большая – отсутствие обученных мастеровых. Последние станки должны были установить и наладить еще до первых холодов, но вот работать на них было некому. Ну почти некому.

– Четверть от требуемого количества мастеровых, Александр Яковлевич! И если в новые, «пистолетные» и кузнечно-пресовые цеха я могу поставить вторую смену со старых цехов... кхе, относительно старых конечно же, то на производство винтовок и станкостроительное – увы. Насколько я знаю, с похожими проблемами столкнулся и Семен Венедиктович в Ярославле. Выпуск продукции он увеличить хочет. И даже вроде бы и может – да вот некому работать. Приходится ему учить рабочих буквально на ходу и за свой счет.

– Н-да. Вот что. Составьте список. А, уже составили? Это вы весьма предусмотрительно.

Фабрикант быстро скользнул глазами по исписанному с двух сторон листу и ненадолго задумался.

– Так, понятно. Андрей Владимирович, а не съездить ли вам на свое прежнее место жительства? Помнится, вы мне не раз говорили, что на бывших Мальцевских заводах многие мастеровые остались без работы? Терпят нужду и все такое прочее – думается мне, у нас им будет гораздо лучше. Заодно и Вениамину Ильичу поможет Людиновский паровозостроительный завод осмотреть.

– Что я им могу обещать, Александр Яковлевич?

– Зачем же обещать? Захватите с собой наш трудовой договор и честно разъясните его пункты.

Хозяин дома глянул на часы и тяжело вздохнул – пора отправляться погулять по стройке.

«Детские мечты сбываются. Как всегда – с большой задержкой».

– Валентин Иванович, я вот тут набросал несколько предложений по улучшению пистолета-карабина и остальных наших новинок.

Оружейник быстро просмотрел длинный перечень переделок и исправлений, глянул на приложенные эскизы, после чего энергично кивнул и уточнил пару непонятных ему моментов.

– Александр Яковлевич, так установку глушителя на пистолеты не производить?

– Да. Глушение весьма посредственное, если не сказать больше, поэтому и смысла никакого в нем нет. Лучше попробуйте поработать с револьвером – там перспектив больше, может, даже вариант с полной отсечкой звука получится.

– И еще. Переделать «орла» под трехпатронную очередь и полную очередь. А «рокот»?

– Вы знаете, третий выстрел там явно лишний, сильно страдает кучность. Так что не стоит отличный пистолет превращать просто в хороший. На этом все, господа? Тогда меня ждут строители.

Прогулка-инспекция заметно подпортила князю настроение. Быть может, тому виной были грязь и мусор, неизбежно сопровождающие почти любую стройку (хотя лошадиный навоз все же стоило убирать), может, не совсем убедительные объяснения сопровождавшего его прораба по поводу замеченных им недоделок. Или на него так повлияло то, что он почти сразу наткнулся (хорошо хоть не вляпался) на стихийно образовавшийся туалет в укромном закутке между цехами (Иван Фадеевич этого «открытия» виртуозно не заметил, моментально отвлекшись на распекание подвернувшегося чернорабочего).

– Так что со всей ответственностью вынужден заявить вашему сиятельству о том, что всего запланированного на этот год выполнить никак невозможно!

– Что именно?

– Да вот взять хотя бы цех по выработке электроэнергии. Ваш управляющий добавил еще один в смету, да в самый последний момент, а значит – это никак-с невозможно, ваше сиятельство, совсем-с.

– Н-да. Скажите, любезнейший, а ваше начальство эти сметы подписало, документы согласовали?

– Точно так-с, ваше сиятельство, но...

Прораб всем своим видом показал, что он бы и рад угодить заказчику – да только это не в его силах.

– Понимаю. Ну что же, невелика беда.

– Благодарю, ваше сиятельство. А теперь прошу.

– Теперь, с вашего позволения, я договорю. Так вот: то, что вы не сможете выполнить запланированный объем работ, не беда – я найду того, кто сможет. А вы, вернее, ваше начальство заплатит солидную неустойку. И штраф – а это уже конкретно вы. Вот теперь мы можем двигаться дальше, на осмотр домов для мастеровых. Вы ведь это хотели предложить, не так ли?

Угрюмо-сосредоточенный прораб, не без вызова в голосе, осведомился:

– И за что же это мне положен штраф, ваше сиятельство?

– За что? Хм. Ну давайте поищем.

Легко и не напрягаясь (даже не сходя с места), заказчик нашел чертову дюжину подходящих поводов. Начиная с артели пьяненьких землекопов, расположившихся на отдых прямо в котловане, и того самого злополучного для строителя туалета и заканчивая полом из сырых досок в сборочном производстве одного из цехов. И неровной кладкой стены – там

же. К концу перечисления почтенный Иван Фадеевич окончательно сник и даже не пытался говорить что-то в свою защиту. Видя это, Александр все же сменил гнев на милость:

– Так что, мне обратиться к господину Бари за неустойкой или вы?..

Воспрянувший духом прораб уверил князя, что не будет спать и есть (вернее, не даст этого делать своим подчиненным), а все положенное построит по самому что ни на есть первому разряду.

«Может, подарить ему треххвостый бич – гонять подчиненных? Или открытую кобуру с «орлом» на пояс повесить для повышения общего усердия подчиненных. А вообще действительно многовато навалили работы на дедушку, надо будет с Шуховым на эту тему поговорить. Так! Обязательную программу я выполнил, теперь можно откатать произвольную на стрельбище».

Уже на проходной Александр вспомнил, что обещал Сонину заглянуть в фабричную школу. Остановился было в сомнениях и пошел дальше: ждали его неделю, подождут и еще.

Глава 3

Стряпчий в Людиново не поехал, командировав вместо себя племянника Геннадия, как имеющего солидный опыт «приглядывания» за металлургическим производством. Приглядел за одним, оценит-осмотрит и другой, невелика разница. Сам же Вениамин Ильич энергично принялся исполнять новые задания князя. Так энергично, что уже через неделю тот прибыл для целой серии деловых встреч в конторку-офис стряпчего, который по такому случаю разогнал всех своих служащих на внеплановый отдых.

– ...развивая скорость до двадцати мерных верст в час, но, как вы понимаете, наиболее экономичный ход у самоходного экипажа будет не больше...

Инженер Луцкой к такой важной для себя встрече подготовился весьма и весьма основательно. Оформил красивый чертеж с разрезом своего двигателя, несколько графиков и расчетов. Даже один отзыв предоставил, довольно-таки невнятно-хвалебный (зато красивым почерком). И диплом об участии в выставке. Говорил уверенно и даже напористо, сыпал терминами и приводил многочисленные примеры.

«Что-то заносит слегка Бориса Григорьевича. Я-то понимаю, а вот обычный, можно сказать, среднеобразованный аристократ уже и засыпать бы начал. Разве что на «самобеглой телеге» встрепенул бы ненадолго. Может, поэтому его идеями в Главном инженерном управлении и не заинтересовались, что слишком умно говорил? О, даже указку не забыл прихватить на презентацию своего моторчика».

– Хорошо, я вас понял. Скажите, а кроме двигателя на вашем – как там его? – светильном газе у вас есть какие-либо иные прожекторы? К примеру, на бензине?

– К моему величайшему сожалению, увы-с, готовых к показу нет. Но уверяю вас, представленный вашему вниманию образец вполне хорош и имеет большие перспективы!

– Хм? Большие перспективы у этого типа двигателей появятся с началом промышленной добычи метана ну или бутана, но не раньше. Так что по поводу других ваших идей?

Изобретатель заметно опечалился и честно признался:

– Мне нечего показать вашему сиятельству.

– Ничего страшного, меня вполне устроят ответы на несколько вопросов.

Вопросов прозвучало ровно три: о системе зажигания, подвеске и рулевой колонке. Но, отвечая на них, инженер кардинально поменял свое мнение о возможном работодателе. А заодно почувствовал себя так, словно опять сдает экзамен своим преподавателям в Мюнхенском технологическом. Его собеседник явно ЗНАЛ то, о чем спрашивал. И это притом, что сам Луцкой ответил, как бы это помягче выразиться, очень неполно.

– Ну что же. Вы весьма перспективный конструктор – вам говорили об этом? Нет? Тогда я буду первый. Последний вопрос, если позволите: какой годовой доход вас бы устроил?

Заметно порозовев, инженер почти без запинки назвал желаемую сумму, услышав которую Александр едва удержался от горькой усмешки: как дешево стоят таланты в России!

– Ну двадцать тысяч – это нормально. Даже хорошо, что вы так скромны, я бы даже сказал – излишне скромны, но это уже не мое дело. Правда, в подготовленном моим юристом контракте стоит несколько иная сумма, но, разумеется, выбор исключительно за вами. Вкратце мои предложения таковы: я открываю конструкторское бюро, вы набираете себе помощников, ну и возглавите – и первое, и вторых. Кстати, руководство сопутствующим хозяйством: испытательные стенды, необходимый станочный парк, мастерские – тоже ляжет на вас. Работы будет... много. Это все, что я могу сказать вам до подписания контракта. А вот и он, прошу ознакомиться.

Явно удерживая себя от того, чтобы не заглянуть сразу на последнюю страницу (и узнать наконец-то конкретную сумму своего возможного жалования), Луцкой стал тщательно вчитываться в ровные строчки текста. И почти сразу удивился:

– Простите, а что значит – проживание, питание и прислуга бесплатно?

– Это значит, что, когда вы подберете устраивающую вас квартиру, платить за нее будет компания. Первый год.

– А потом?

– А потом для вас построят отдельный дом, и вы переедете в него на тех же условиях. И остальное в том же духе, потому как вашей задачей будет плодотворно трудиться, а моей – создать для этого творчества наиболее благоприятные условия. Мне это ВЫГОДНО, когда мои сотрудники не отвлекаются на мелкие бытовые заботы.

«И охрану проще приставить, и конкурентам тебя переманить сложно будет – от такого-то социального обеспечения. Но это уже никому не нужные подробности».

Читая про две недели оплачиваемого отпуска, премии и бесплатного же врача, конструктор вопросов не задавал (только опять розоветь начал – уж больно все это походило на сказку). Пункты о коммерческой тайне, ответственности за ее нарушение и принадлежности полученных патентов работодателю тоже не вызвали его возражений, так как ему полагался неплохой процент. Добравшись наконец до самого интересного, Борис Григорьевич позволил себе минутку полюбоваться суммой месячного оклада в три тысячи рублей, после чего довольно вздохнул и осведомился:

– Мне уже можно подписывать?

Дождавшись, пока изобретатель заберет свой экземпляр контракта, его титулованный работодатель продолжил:

– Вот теперь мы с вами можем поговорить более предметно, Борис Григорьевич. Начнем с того, что вы составите списки: кто необходим и что необходимо для начала вашей работы. Только прошу подробнее. Затем определитесь с местом – желательно рядом с Сестрорецком, ну и как только вы это сделаете, я выдам вам первое техзадание. Или сейчас?

– Лучше бы заранее узнать, ваше сиятельство.

– Право же, давайте опустим все эти формальности, можно – Александр Яковлевич, я не обижусь. Хорошо, сейчас так сейчас. Так. Я вам перечислю экипажи, кхм, пожалуй, давайте назовем их автомобилями. Итак, где же будут установлены ваши двигатели: легкий автомобиль на четыре – шесть пассажиров. Средний, для перевозки двух пассажиров и небольшого груза пудов этак на шестьдесят, не больше. И тяжелый вариант, грузоподъемностью от ста до трехсот пудов. Где-то так. Конкретные цифры вы получите попозже. Ах да, я едва не забыл – вот в этом конверте аванс и прочие необходимые вам бумаги. Я буду в Сестрорецке завтра или послезавтра, там мы и продолжим наш разговор.

Передохнув за чашкой кофе, Александр опять принялся работать языком: побеседовал с тремя претендентами на должность зама по охране (и забраковал всех). Принял на работу сразу двух изобретателей по фамилии Тимченко и Самарский – эти господа независимо друг от друга придумали слабое подобие синематографа (вернее, камеры для него, только один назвал свое творение оптическим театром, а второй – стробографом). И тут же выдал им задание соорудить через год (можно и раньше, он не обидится) комплекс из нормальной киноплёнки и кинокамеры с проектором, для немого кино. А если будет возможность и время – так и нормальный пленочный фотоаппарат. Напоследок от души повеселил себя разговором с еще одним инженером-двигателем. Заодно понял, что чиновники из Главного инженерного управления не всегда ошибаются, называя какого-либо изобретателя – сумасшедшим. Это же додуматься надо – предложить двигатель внутреннего сгорания, работающий на водороде?! Причем это было еще полбеды, потому что такой двигатель был

бы вполне реален лет этак через тридцать – сорок. Вот проблема безопасного хранения топлива...

«Европейцам бы впарить эту идею, желательно – с почти готовым прототипом. Эх, было бы реально, так я бы никаких сил и денег не пожалел для такого развития их прогресса. Как представлю ВОДОРОДНЫЕ заправочные станции, да где-нибудь на Елисейских Полях, ну или рядом с парламентом!»

Для следующей и последней на этот день деловой встречи князь вместе со стряпчим отправился в респектабельный и весьма дорогой ресторан, славный не только стабильно высокими ценами, но еще и шеф-поваром из прекрасной Франции. Во-первых, элементарно хотелось есть, а во-вторых, именно туда согласился явиться для небольшого дружеского (ну или можно сказать – халявного) застолья коллежский советник Улитин, начальник одного из многочисленных департаментов министерства государственных имуществ. Вообще-то в министерстве таких, как он, хватало... если бы не одно обстоятельство: именно Яков Родионович имел постоянный доступ к уху и, если можно так выразиться, телу министра, являясь кем-то вроде доверенного лица последнего. Воздавая должное французской кухне (Александру это удалось с некоторым трудом, так как он предпочел бы вместо невнятной водички под названием «луковый суп со свиным салом» – обычный наваристый борщ), собеседники разговаривали исключительно на незначительные темы. И только когда стол немного опустел, а сидящие за ним откинулись на спинки стульев в ожидании десерта, они перешли к обсуждению причин встречи.

– И чем же именно я могу помочь вашему сиятельству?

– Небольшой консультацией, уважаемый Яков Родионович, всего лишь. Дело в том, что я намереваюсь приобрести несколько земельных участков на Дальнем Востоке. Вот и хотелось бы узнать, как это устроить наилучшим образом.

– Ну это вы обратились по адресу, да-с. Чем смогу, тем помогу, всенепременно. Так-с – сколько десятин и в какой губернии?

– Там не губерния, а Приамурское генерал-губернаторство. Вот, тут на карте отмечено. Простите, я не вполне уверен в стоимости одной мерной десятины?

Чиновник не упустил шанс показать свой профессионализм, моментально выдав справку:

– В среднем, ваше сиятельство, от четырех до восьми рублей за хорошую, то есть пригодную к земледелию, и полтора-два рубля за все остальное.

– Благодарю вас, Яков Родионович. Тогда получается – я желаю приобрести девятьсот тысяч десятин НЕ пахотной земли.

От такого заявления у чиновника приключилась легкая икота, но – что значит опыт – коллежский советник почти моментально ее задавил.

– Это по реке Амур, вот в этих местах и этих, поближе к устью. Другой участок, в пятьдесят тысяч десятин, по реке Уссури. И третий, в двести тысяч десятин, по берегам озера Байкал, это вот тут.

– Я вас понял, ваше сиятельство. Да-с, масштабы! Но возникнут некоторые трудности с вашим делом, определенно возникнут. Продажа ТАКИХ наделов производится только с высочайшего разрешения. Следовательно, вам потребуются веские обоснования такого вашего желания – да-с, очень веские. К примеру, вы питаете намерение устроить там рудники. Вы меня понимаете?

– Конечно. Вениамин Ильич?

Стряпчий тут же передал чиновнику кожаную папку с документами.

– Здесь карта, на которой отмечены интересующие меня участки, и перечень того, что я хочу устроить на МОИХ землях. Лесопереработка, промысел и консервирование рыбы,

небольшую транспортную компанию... кстати, вполне возможно, что и рудники появятся, на Сучанском угольном месторождении. Ну и еще кое-что по мелочи.

– Я думаю, этого вполне хватит, ваше сиятельство. Что же еще? Ах да! Ходят упорные слухи, что в тех краях, возможно, начнется строительство железной дороги. Это само по себе может несколько замедлить решение вашего вопроса.

– Признаться, долгое ожидание не по мне. А вы не можете поспособствовать моему делу? Я был бы очень признателен. Вам.

Одновременно с этими словами перед коллежским советником лег кусочек бумаги размером с визитку, на котором лаконично было написано – двадцать тысяч.

– И господину министру.

В этот раз на картонке стояла сумма в сто тысяч. Чиновник глубоко вздохнул, с некоторым усилием оторвал взгляд от таких приятных его сердцу цифр... И решительно пододвинул папку к себе поближе.

– Ваше сиятельство! Все, что только в моих скромных силах, я сделаю. Конечно, могут возникнуть новые обстоятельства – по поводу второго вашего предложения. Вы ведь знаете сами, это надо обсудить там.

Яков Родионович поглядел в потолок и многозначительно поиграл бровями.

– Понимаю и готов даже несколько увеличить мою благодарность, особенно если все устроится быстро и наилучшим образом. Мои интересы будет представлять господин Лунев, все технические вопросы вы можете решить с ним.

– В таком случае разрешите откланяться. Дела, знаете ли, не ждут, да-с.

– До следующей, надеюсь – весьма скорой встречи, Яков Родионович.

Оставшись вдвоем, князь и его поверенный в делах несколько минут молчали (Александр еще раз вспоминал весь разговор на предмет слабых мест, а Лунев просто наслаждался моментом). Потом Вениамин Ильич звонко щелкнул пальцами, подзывая официанта, когда же тот подбежал, всем своим видом выражая непреклонное желание угодить, он коротко бросил, сопроводив свои слова вальяжным жестом:

– Бутылку лучшего шампанского! Александр Яковлевич, не считите за лесть, но переговоры вы провели отменно-с, да. А это надо непременно отметить!

– Да? Ну что же, пожалуй, вы правы. Если это дельце выгорит, откроются такие перспективы!

Аристократ обратил внимание на загоревшиеся глаза своего юриста и моментально закруглился:

– О которых вы узнаете одним из первых. Что у нас на завтра?

– Завтра? Вы хотели уточнить состояние своих финансов в банке и навестить завод «Илис-Блитц». А вот и мой заказ несут!

На следующий день Александр решил немного побаловать себя и провалялся в постели почти до обеда, отсыпаясь впрок: сладкой дремоте сильно способствовали моросящий за окном мелкий дождик и свинцово-серые тучи на небе. Приняв за слегка запоздалым завтраком ударную дозу крепкого кофе, он не спеша собрался, не забыв прихватить джентльменский набор из чековой книжки и пистолета. Вышел из номера и... остановился в раздумьях на выходе из гостиницы.

«Куда отправиться в первую очередь – в отделение Русско-Азиатского? Или к Герту на завод?»

Сомнения разрешил швейцар на входе: заметив, что хорошо одетый (да еще и с явной военной выправкой) господин замер и с сомнением разглядывает мокрую мостовую, он сделал неприметный жест – и тут же к крыльцу подъехала крытая пролетка.

– Куда едем, вашсиясь?

– На Черную речку правь, там покажу.

К заводууправлению Петербургского станкостроительного князь Агренов прибыл в непонятных даже для самого себя чувствах. С одной стороны, у него на счету почти три миллиона, и каждый месяц прибавляется по двести – двести пятьдесят тысяч отчислений ренты с лицензий.

«Да «полтинник» чистогана с фабрики, с тенденцией увеличения в большую сторону. Грейн, наверное, от радости с ума сойдет, когда все поставки увеличатся в пять раз. Ну и прибыль с металлургического и консервного заводов внушают осторожный оптимизм – все вместе тысяч на сто пятьдесят – двести. А с другой стороны, скоро я стану крупным землевладельцем. И гложут меня сильные сомнения, что удастся уложиться ВСЕГО в три миллиона. С большим таким хвостиком. Хорошо бы четырех хватило. И строительство, и очередное расширение производства. А ведь еще неизвестны аппетиты Луцкого... Н-да, учитывая, чем я его озадачил, хе-хе, это он еще про сроки не знает! Потратиться придется немало. Кредит, что ли, взять? Или притормозить немного со своими планами? Как-то все впритык получается, нехорошо».

– Александр Яковлевич?! Рад, ужасно рад вас видеть. Прошу вас, присаживайтесь, я сейчас. Не прикажете ли чаю?

– Благодарю, не стоит.

Конструктор и главный инженер завода суетился вокруг своего гостя так, будто видел его в последний раз. У отставного штаб-ротмистра даже стали закрадываться подозрения – все ли хорошо у Иммануила Викторовича? Оказалось, что все хорошо, настолько, насколько только может быть у фанатика от станкостроения: господин Герт, выполняя «небольшую» просьбу князя, успешно освоил все выделенные на это дело средства. И даже немного залез в долги, покупая необходимую ему литературу и какие-то, баснословной стоимости, справочники.

– То есть работа выполнена?

– Да! Изволите принять?

Заказчик осторожно кивнул и приготовился увидеть внушительную стопку чертежей и технической документации. Вместо этого его провели в соседний кабинет, используемый как архив, и показали готовый результат.

– Ваше сиятельство?!

Не сразу Александр понял, что стоит с открытым ртом и хлопает глазами. Для начала – стопок было четыре. Каждая состояла из больших, толстых картонных упаковок альбомного формата и была выше... гм, значительно выше человеческого роста.

– А? Да, итог вашей работы внушает. Я вижу, вы изрядно постарались, Иммануил Викторович. Пожалуй, я пришлю за всем этим специальных людей, простым грузчикам как-то доверия нет, еще чего перепутают.

Вернувшись обратно в кабинет и отойдя от вида натуральных колонн, только из бумаги, князь вспомнил одно обстоятельство. Вернее, важную часть своей «просьбы».

– А по поводу малого перерабатывающего центра?

– Да-да, это я выполнил в первую очередь. Не угодно ли ознакомиться?

– Нет, что вы, я вам полностью доверяю.

«Все равно ни черта не пойму, особенно вот так, с наскока».

– Если можно – своими словами, так сказать, основное?

– Воля ваша, Александр Яковлевич, почему бы и нет. Ну что же, значит, так: я спроектировал три варианта, у каждого свои преимущества. Первый в основном является маслوبيной, сыроварней и совсем немного – консервным заводиком. Самый дорогой вариант, между прочим. Вы спросите почему? – Герт забыл о своей хоть и слабой, но все же застенчивости и напористо вещал: – Потому что вы хотели лучшее оборудование и материалы! А таковыми на данный момент являются сепараторы господина Лавалья, ваша нержавею-

щая сталь и опять же турбина господина Лавалья: она будет приводить в действие все механизмы и одновременно вырабатывать электричество. Немного, но на освещение хватит. Второй вариант предназначен для нужд лесопереработки и выделки арборита малыми или же большими партиями – также с турбиной Лавалья, возможна установка небольшой мельницы и консервного производства. Ну и третий, по сути своей – средней величины консервный завод. Конечно, все это можно комбинировать или увеличивать до серьезного производства, было бы желание. Вот.

Станкостроитель победно посмотрел на князя Агренева, смутился и отвел взгляд.

– Ах да, я еще забыл рассказать про стоимость: первый вариант будет стоить порядка двадцати тысяч – ежели будете заказывать у нас на заводе, второй на шесть тысяч дешевле, ну и третий – семь тысяч рублей. Вот теперь точно все.

Александр захлопнул блокнот, в котором делал заметки, немного повертел в руках свой «паркер» с золотым пером (именной подарок от главы Parker Pen Company своему крупнейшему акционеру) и выдал неожиданное для Герта предложение:

– Почему бы вам не перейти на работу ко мне? Сами же и реализуете свои чертежи. Кстати, у меня для вас вскоре будет еще один интересный и достаточно крупный заказ. А еще у меня почти готов свой собственный станкостроительный завод, раза в два больше и гораздо современнее вашего – помните, я как-то упоминал о нем? Ну а как я отношусь к своим служащим, вы уж наверняка знаете.

– Ваше сиятельство, да я бы с радостью – тем более такие условия!..

– Так в чем же дело?

Конструктор (талантливейший инженер и конструктор!) помялся и почти стыдливо выдал из себя:

– Больно велика неустойка в случае моего досрочного увольнения.

– Пфе! Я-то уж подумал – что-то серьезное. И сколько же?

– Пятнадцать тысяч, ваше сиятельство.

– Иммануил Викторович, да как я погляжу, вас тут и не ценят совсем?! Такую мелочь я беру на себя – считайте это премией за отличную работу. Более препятствий нет?

Собеседник князя вначале нерешительно, а потом и энергично помотал головой, наблюдая, как тот быстро заполняет листы своей чековой книжки.

– Ну и хорошо. Вот, прошу принять чек и мою благодарность – это ваше вознаграждение за труды. Вот ваша неустойка. А это подъемные – вам ведь придется немного потратиться на переезд? И вот еще что: если вы захотите уйти не один, и это будет ценный специалист, – я помогу с неустойкой и для него.

– А кто именно нужен?

– Это уж на ваше усмотрение, Иммануил Викторович. Хорошим мастерам у меня всегда работа найдется, как и достойное их трудов жалованье. Ну, надеюсь вскоре вас увидеть в Сестрорецке. Вот визитка моего юриста. Это на случай... На всякий случай, мало ли что решат владельцы завода? Всего хорошего.

Думм-думм-думм.

Кувырок на полном ходу, недолгий бег в рваном ритме, пережат за дощатый щит, изображающий надежное укрытие, – и короткая очередь выбила щепки из последней мишени. Последней в этом упражнении, но не последней на сегодня. Александр немного перевел дух и выпрямился во весь рост, потирая левое предплечье – во время последнего пережата именно оно познакомилось с торчащей из земли каменюкой. Недолгий отдых – как раз подойти к столику с оружием и подготовиться к следующему этапу тренировки. Добавив на пояс второго «орла» и заменив стандартные магазины на удлиненные, стрелок подошел

к ветеранам – «операторам» мишенного поля (и весьма своеобразных приспособлений для отработки разного рода задумок князя).

– Готовы?

– Так точно, вашбродь!

Для солдат из его взвода жизнь с увольнением со службы изменилась, и изменилась сильно: хотя обязанности остались почти теми же, прав и жалованья прибавилось. Причем прибавилось очень даже ощутимо. Попробуй они всего полгода назад без долгих разговоров двинуть в зубы какому штатскому – самое меньшее с недельку бы посидели в холодной, да и у самих бока болели бы. А теперь, ежели такое приключилось на территории фабрики и было обосновано (пьяный там или излишне любопытный), можно было и премию получить. Правда, кое-что менять они не захотели сами, в том числе и обращение к Александру, так и оставшемуся для них командиром и офицером. Видя в этом своеобразный отличительный знак. Точнее, один из многих. Мастеровые тоже не отставали, и теперь князь зачастую слышал от них короткое: «Хозяин», причем звучало это очень уважительно и без всяких там униженно-лакейских ноток.

– Тогда приступим.

Следующее упражнение начиналось с коридора, стенки которого были выложены из туго набитых глиноземом дерюжных мешков. В стенках были предусмотрены ниши наподобие длинных и узких бойниц – вот из них и выскакивали иногда мишени. А иногда и не выскакивали, это уж как ветеран, дергающий за веревки с безопасного места, решит. В любом случае лениться не приходилось. Пройдя по гравию, устилающему коридорчик, три десятка шагов и полторы дюжины мишеней, стрелок попадал в небольшой круг, в котором и начиналось главное веселье. Мало того что мишени появлялись без системы и со всех сторон, так среди них еще и «пустышки» попадались, изображавшие ребенка или собачку какую, и дырять их было нельзя. Когда Александр только-только придумал этот, по выражению Григория, цирк, он был очень доволен именно повышенной сложностью его прохождения. И из принципа не пользовался в нем «холодом». Потому что давно уже вывел для себя интересную закономерность: чем лучше он стреляет в обычном состоянии, тем больше его возможности в состоянии транса. К примеру, освоившись с последней модификацией «орла», он смог довольно изящно изобразить неприличное (и довольно длинное) слово на ростовой мишени на расстоянии в десять сажений. Причем его «кисточка» рисовала исключительно трехпатронными очередями. Гриша, когда увидел такое произведение искусства, не поленился его осмотреть поближе... После чего унес мишень с собой, и весь следующий день охрана была подозрительно веселой.

Думм-думм-думм.

Появившийся вскоре Грече нашел своего шефа слегка злым (опять не получилось!) и занятым чисткой оружия. Тут же подошел Григорий, вместе с ним подтянулось еще несколько ветеранов из особо доверенных, и все они с ожиданием уставились на два кейса (в которых обычно переносились и хранились новые образцы «стрелковки»), появившихся на стрельбище вместе с оружейником.

– Александр Яковлевич, вам господин Грейн подарок прислал.

– Н-да?

Быстро прочитав сопроводительное письмо, князь удивленно хмыкнул и поглядел на кейсы:

– И где?

– Вот, прошу.

В руку Александра лег пистолет, а все присутствующие удивленно загомонили – это был ЧУЖОЙ пистолет. Непривычно длинный ствол, далеко выдвинутая вперед рукоятка и

общая... Несуразность конструкции, что ли? Одним словом, конкурент всеобщей любви не получил.

– Опа! Командир, смотри, а патроны-то от «плетки»!

Валентин Иванович тут же довольно заметил:

– Что не может не радовать – значит, приняли как стандарт. Это у нас пистолет системы господина Борхарда. Господи, ну и убожест... гм, да-с.

Князь тем временем держал в руках другой пистолет и опознал его сам:

– Как я понимаю, это творение господина Браунинга? Занятно – калибр девять миллиметров. И тоже наш патрон. Интересно, как это Мозес умудрился обойти мои патенты?

Перечитав письмо еще раз, фабрикант вновь хмыкнул:

– Надо же, всего лишь опытные образцы. Ну-ну. Все равно надо бы разобрать и покопаться. Ну что же, пожалуй, сейчас и опробуем подарки? Григорий, займись. А во втором что?

– Готовые варианты пистолета-карабина – кстати, вы так и не дали ему имени. А также ваш особый заказ.

– Ага!

Настроение Александра стремительно поползло вверх, а когда он увидел содержимое большого кейса, и вовсе остановилось на отметке – жизнь прекрасна.

– Это чего такое, командир?

Бывший унтер удивленно разглядывал нечто, похожее на слегка исхудавшую банку тушенки, в которую к тому же вбили короткую и нетолстую палку. А тот, кого он спрашивал, уже вытащил на свет очередное оружие.

– Это, Гриша, называется «толкушка». Правда похожа? Так!

Князь деловито откинул в боевое положение приклад, выщелкнул магазин, быстро набил его патронами и вернул на законное место, слегка подрегулировал прицел, передернул затвор и завертел головой, выбирая подходящую цель. За следующие десять минут, с краткими перерывами на перезарядку, Александр отперфорировал пяток мишеней и основательно обтесал пулями средней толщины столб. А в конце исполнил недолгий, но по-настоящему зажигательный танец, доставая из-за пазухи неудачно отлетевшую гильзу. Главный инспектор условий труда в это же время опробовал подарки от Вальтера Грейна, разочарованно покривил лицом (в очередной, сотый по счету раз убедившись, что его любимый «рокот» лучше всех) и опять стал кружить рядом с непонятными «толкушками». Гreve делал то же самое, только вокруг начальства.

– Так что по поводу названия, Александр Яковлевич?

– Название? Ну что же, давайте подумаем. Питается этот красавец патронами от «плетки», опять же звук выстрела хлесткий... а дальность саженей пятьдесят – семьдесят? Да, не меньше. Вот пусть и будет – «кнутом».

Григория интересовало другое: ощупав жестянку со всех сторон, он потряс ее, попробовал закрепленную в ней палочку на излом и только после всех этих процедур заметил, что у той на конце имеется латунный колпачок.

– Ну и не понял. Ей чего, по голове, что ли, бить надо?

– Тогда бы ее назвали колотушкой. Впрочем, этой штучке подходят оба прозвища. Валентин Иванович, вы не продемонстрируете?

Оружейник медленно, явно напоказ, свинтил колпачок, вытянул что-то вроде гайки с привязанной к ней веревочкой и вопросительно поглядел вокруг:

– Куда?

– А вон, в канаву рядом с валом.

Гreve еще раз огляделся, отошел в сторону на три шага, резко рванул за шнурок с гайкой, выдергивая его напроць. После чего довольно энергично запустил свою непонятную

ерундовину в маленький ровик рядом с ограждающей стрельбище земляной насыпью. Вот только сил в бросок вложил маловато, отчего и недокинул: она покатилась, подпрыгивая, и... осталась спокойно лежать. Общее недоумение, как и всегда, выразил штатный рупор «общества» господин Долгин:

– Что, и все?!

Засуетившийся оружейник дернулся было к мирно валяющейся жестянке, примерно на полпути вспомнил, для чего она предназначена, и тут же припустил обратно. Наконец окончательно что-то решив для себя, Валентин Иванович забрал остальные гранаты, в количестве трех штук, быстро снарядил их взрывателями (периодически кося взглядом на работодателя) и в пять секунд переправил всю троицу к первой.

Бумс, бумс!!!

От неожиданности Гриша с ветеранами чутко пригнулись и дружно, с отменной синхронностью, наложили на себя крестное знамение. Грее обошелся облегченной ухмылкой, а главный стрелок и вовсе остался невозмутим, только потянулся за «кнудом».

– Валентин Иванович, взрыватели надо немного доработать. В плане надежности.

Тцданг-тцданг!

У вала взметнулись два новых столба пыли и мелких комочков земли. Тут же нашлись желающие освидетельствовать место подрыва «толкушек», а после короткого и оживленного обсуждения все «эксперты» единогласно постановили: эта штука будет поудобнее пироксилиновой или там – динамитной шашки. Солидно кашлянув, Григорий поинтересовался у оружейного мастера:

– Еще «толкушки» есть? Надо бы это... самому опробовать!

– Послезавтра будут, я сразу дюжину выделаю.

– Эх, нам бы такое, когда за «несунами» гонялись или караваны перехватывали!

Обсуждение перспектив и возможных способов боевого применения очередной новинки на самом интересном месте прервал вестовой от старшего охранника: из командировки вернулся господин управляющий. Да не один, а в сопровождении личности, по поводу которой у охраны были четкие инструкции: максимальная почтительность и вежливость! По такому случаю и сам Александр не поленился быстренько дойти (он бы и бегом не постеснялся – да потом пересудов на полгода будет) до своего коттеджа и переодеться в более подобающий для встречи такого дорогого гостя костюм. Человек, который на военной службе дорос до генерал-майора, а в промышленности стал главой пусть и маленькой, но все же империи, – этого человека князь уважал. Сильно. И даже не из-за прошлых заслуг, нет: КАЖДЫЙ совет, который он слышал от не по годам бодрого (до восьмидесяти лет не каждому удастся дожить) Сергея Ивановича Мальцева, – так вот, каждый его совет был по делу. И неизменно помогал: наладить ли производство или избежать возможных проблем в будущем.

Когда по окрестностям Людинова прошелся слухок о том, что набирают рабочий люд на новую фабрику, один из мастеровых паровозостроительного завода по имени Мартын как раз вернулся с очередного приработка. Услыхав такую новость, он поначалу обрадовался, но когда узнал, в какую даль придется ехать, то посомневался малость да и успокоился. Чего лишний раз дергаться? Дома-то оно конечно – на заводе работы мало, да и задельную плату выдают нерегулярно, только что и хватало на еду. Так и в окрестностях все так же, сейчас куда ни подайся, везде с этим делом плохо. Если бы не огород за домом да корова-кормилица... м-да. Зато вся родня под боком, друзья-соседи, и случись чего, так хоть помощи какой попросить можно. А там – кому он нужен? Однако время шло, и глухие шепотки превратились в негромкие пересуды, а после того как потянулись на станцию первые рекруты и выяснилось, что берут-то далеко не всех, эта тема и вовсе стала главной во всех без исклю-

чения разговорах. Непонятно народу было, почему от одного работяги даже нос воротят, а другому и руку пожать не гнушаются. Подумал Мартын хорошенько да и пошел в вербовочную контору – за спрос ведь денег не берут. Пришел, отстоял небольшую очередь, а с ним даже и разговаривать толком не стали – спросили только, как зовут, где живет да кем работал. Пошуршали немного бумагами на столе, перебросились парой непонятных фраз, после чего объявили:

– Принят, с испытательным сроком в полгода.

Коротко рассказали красивую сказку – как платят да про остальное, после чего подозвали к столу, шлепнули на него внушительного вида документ и ошеломили указанием:

– Подписывай.

– Так неграмотные мы.

– Тогда палец приложи. Да не этот! Чернилами хорошо намазал? Вот так. Договор давай сюда. Послезавтра приходи за авансом, а пока вон туда иди, там на пару вопросов ответишь – и свободен. Следующий!

Упоминание денег мигом вывело мастерового из недолгой прострации. В следующей комнатенке конторы ему задали не два, а добрую дюжину вопросов – кого из хороших мастеровых он знает, где они живут, в чем еще у него есть сноровка да опыт. Ответили и на его вопросы, вернее, вопрос, так сказать, о самом главном – о жалованье.

– Пока никто не жаловался. Кто с оружейным железом дело имеет, те, конечно, побольше, вроде как и до ста рублей доходит, но и остальным грех жаловаться – меньше сорока никто не получает.

Окинув взглядом собеседника и не увидев особой разницы между ним и собой (писарь, он и есть писарь, тем более что его вроде уже приняли), Мартын позволил себе немного и очень вежливо усомниться, на что получил короткий и равнодушный ответ:

– Скоро сам увидишь. Следующий!

Потом были недолгие прощания, посещение церквушки и куча распоряжений жене, ее тихие слезы и почти двухдневное сидение в вагоне. Первый день на новом месте запомнился ему какими-то урывками. Фабрика еще издала удивила своими размерами, а цех, куда его определили на ближайшие полгода, вообще поразил до глубины души. Высокие белые потолки и широкие окна, новехонькие станки, выстроившиеся как будто по линейке вдоль стен, непонятные полосы краски на мощном тесаном камнем полу, повсеместная чистота и – самое главное – мастеровые. Одинаково одетые, деловитые, они стояли у станков, что-то вытачивали, фрезеровали и шлифовали, носили, переговаривались и при всем этом выглядели вполне довольными своей жизнью. Долго оглядываться и привыкать ему не дали: в этот же день определили на постой в казарму для одиноких мастеровых, выдали расчетную книжку и рабочую одежду, показали баню и как пользоваться машинной прачкой. (Мартын аж онемел поначалу – и вода горячая круглые сутки, и стирает сама.) Уже под вечер его поставили на довольствие в столовой, сводили на осмотр в лазарет, и на следующее утро он уже осваивал свое место. Сразу выяснилось, зачем на полу намалевали разноцветные линии – это так разделили рабочие зоны, за которые отвечал тот или иной мастерской. Дальше – больше: оказалось, что дело Мартына стоять и работать, а заготовки и прочие дела не его забота. Вообще! И привезут без него, и увезут, и мусор со стружками соберут. За станком следит не только он, но еще и специальный человек (вернее, не так, его сразу предупредили – при любой поломке он должен сразу звать «своего» слесаря, а сам чтобы даже и не думал куда не надо свои грабли совать), и правил немного, самое же главное и вовсе одно. Качество продукции! Постоянными напоминаниями и инструктажами на эту тему его просто задолбали, если не сказать больше (и хуже). А в конце второй недели, когда новопринятый мастерской уже немного приноровился и начал стоять за станком без присмотра, случилась с ним одна история, после которой он окончательно и понял, как надо работать на

фабрике Российской оружейной компании. Тогда, в начале очередной смены, к нему с обычным утренним обходом подошел артельный, которого все в цеху называли непривычным словом «бригадир». Осмотрел все, одобрительно кивнул и только было собирался уходить, как зацепился взглядом за тележку с аккуратной стопкой штампованных деталей, ждущих своей очереди на чистовую обработку.

– Это что?!

Мартын перевел взгляд с начальственного пальца на тележку и послушно ответил:

– Заготовки, Кондрат Игнатич.

Бригадир внимательно глянул на него, подшагнул поближе, порылся недолго в тележке и подсунил одну из штамповок под нос своему подчиненному:

– Брак видишь? Видишь. А чего в работу взял, коли видишь?

– Так... привезли же? Да меня и не спрашивали, принимаю али нет.

– Ага. Ну-тка, стой и жди, я сейчас.

Довольно скоро он вернулся, да не один, а в компании со здоровенным мужиком довольно нагловатого вида. Не говоря худого слова, бригадир подкатил тележку с браком к своему сопровождающему, ткнул пальцем в ее содержимое и так же молча треснул жилистым кулаком в район уха. Спокойно поглядел на результат и поинтересовался:

– За что это я тебя?

Ничуть не возмущившийся таким тонким намеком, мастеровой для начала стянул с себя замасленную шапчонку, после чего ответил с заискивающей интонацией (одновременно потирая розовеющее ухо):

– Бес попутал, Кондрат Игнатьевич, ну вот ей-богу! В последний раз такое.

– Это я уже слышал. Ты вот что, Максимка. Вот это. – Тут бригадир несильно пнул ни в чем не виноватую тележку. – Забирай с собой, и чтобы сей момент были нормальные заготовки. А потом иди к учетчику и скажи, чтобы с тебя двадцать пять рубликов в артельный котел списали. В следующий раз уже я пойду, да сразу к мастеру. Знаешь, поди, чем оно для тебя обернется?

К удивлению Мартына, оштрафованный радостно улыбнулся и с облегчением в голосе поблагодарил наказавшего его бригадира, не забыв отвесить поясной поклон. После чего с максимальной скоростью исчез вместе с браком, который желал подсунить неопытному мастеровому. Начальство пробормотало себе под нос что-то нелицеприятное про раздолбаев и повернулось к Мартыну:

– Чужой брак не принимать! Свой брак, буде такой появится, дальше не передавать! Вон специальный ящик, ложи туда и отмечай. Уразумел?! Все, работай.

Непонятные моменты в произошедшем разъяснил сосед по комнате. Проработав уже четыре месяца и довольно хорошо изучив весь фабричный уклад и правила, Ефрем со знанием дела растолковал новичку все последствия для чересчур хитрого мастерового:

– Это он так себе выработку хотел поднять, побольше задельной платы отхватить. Раз, как ты говоришь, не в первый раз в таком замечен, то могли его оштрафовать на всю зарплату – и это еще он легко бы отделался.

– Иди ты! Ежели это мягко, то как же по-плохому?

– А это если всю его бригаду, да на все месячное жалованье одним махом дернут. Вот тогда бы он поплясал! За такое и руку под пресс положить могут, и другое чего запросто. Мне говорили, было несколько таких умников, кому едва головушку не скрутили – еле-еле охрана отбила. В таких случаях только расчет брать – да ноги в руки... если успеешь. Так что пожалел его бригадир ваш, не стал мастеру сменному ничего докладывать. Иначе или уволили бы со штрафом, или полгода за спасибо трудился бы.

– А что насчет артельного котла, я что-то не понял?

– Почти все штрафы идут не в управу фабричную, а на артельное благо – премию там, подарок какой имениннику, помочь кому по болезни. Это само общество решает, когда задельную плату дают.

– Да. Скорей бы уж!..

Еще через две недели после этого разговора Мартын стоял на крыльце фабричной управы и нежно тискал в руках десять синеньких бумажек. За всю свою жизнь было всего два или три раза, когда у него на руках было пятьдесят рублей, – а ведь не мальчик уже, четвертый десяток подходит. Да и то, после того как раздавались долги и закупался съестной припас на зиму, оставались сущие копейки. А тут – за месяц! Чувствуя, как губы разъезжаются в непроизвольной улыбке, Мартын глубоко вздохнул, ненадолго зажмурился и решил: «Тут жить можно».

– Конечно, Александр Яковлевич, эти мастеровые не имеют опыта работы именно на станкостроительном или оружейном производстве, однако приобретут необходимую сноровку достаточно быстро – ручаюсь. Насчет металлургов в литейное производство сложнее, да-с. Есть подходящие люди, но вот их способность с ходу освоить выделку стволов... Вызывает у меня некоторые сомнения. Вот ежели к ним приставить хотя бы с полдюжины специалистов с «литейки» Сестрорецкого казенного?

– Хорошая идея, Андрей Владимирович. У господина Гreve есть знакомые на Тульском заводе – может, удастся переманить кого и оттуда? Я попрошу его заняться этим вопросом.

Сонин утвердительно кивнул, одновременно протягивая тонкую стопочку листов.

– По поводу Людиновского паровозостроительного: вот отчет Геннадия Арчибальдовича. От себя же могу добавить только одно: вложений завод потребует крайне небольших, остальное – обычные организационные вопросы.

– Кхе.

Сидевший до этого молча Сергей Иванович Мальцев намекнул присутствующим о своем желании поучаствовать в беседе.

– Александр, мне хотелось бы сделать вам некоторое предложение. Я долго обдумывал такую возможность и признаюсь честно: следил за тем, как вы ведете дела, и, гм, был немало доволен. Да-с, доволен! Но что-то я отвлекся. Так вот, не так давно я имел беседу с казенным управляющим моими... Торгово-Промышленным товариществом, некогда принадлежавшим мне. Не буду городить пустопорожние словеса, знаю, как вы этого не любите: есть возможность выкупить товарищество из-под опеки казны. И я был бы очень рад, ежели бы вы нашли это интересным для себя.

«Конечно, забрать-то забрали, а управлять нормально не смогли – не под то у чиновников руки заточены. Да и растут не из того места, н-да. Привыкли брать, а тут треба вкладывать да работать – а женушка с детками вообще наверняка от досады все ногти сгрызла, до самых до локтей».

– Скажите, Сергей Иванович, а что входит в это самое Торгово-Промышленное?

Кавалергард в отставке несколько горделиво приосанился и с ясно видимым удовольствием начал перечислять на память, с подробными характеристиками, перечислением оборудования, а у его собеседника уже второй раз за относительно короткое время стала отвисать челюсть.

«Знал, что у деда было много заводов, – но чтобы столько? Это же натуральный промышленный район получается: три металлургических, одиннадцать машиностроительных, фарфоровый, шесть стекольных, недостроенный цементный, винокурни и пивзаводы, лесопилки, и это еще не весь список! О, еще и земля в количестве двести тысяч десятин. М-дя. Больно уж кусок велик и сладок, могу и подавиться – причем с легкостью невероятной. Отказаться? Тут даже не журавль в небе, а целый косяк птеродактилей. Или?»

– И сколько же просит казна за все это?

Вот тут энтузиазм у Мальцева немного приугас, тяжело вздохнув, он признался:

– Шесть с половиной миллионов ассигнациями сразу и десять – равными частями в течение следующих трех лет.

Видя, что юный, но подающий очень большие надежды промышленник (а до кучи и аристократ, как, впрочем, и сам Сергей Иванович) впал в глубокую задумчивость, промышленник старый немного раскрылся:

– Признаюсь вам, не таясь: мне больно видеть, как рушится дело всей моей жизни, – а вы сможете его продолжить, я это вижу! Ежели вы беспокоитесь по поводу финансов, то у меня есть знакомые банкиры – думаю, что вполне смогу организовать вам заем на очень пристойных условиях, не больше пяти процентов годовых.

– Благодарю, это лишнее. Я постараюсь устроить все через моих германских партнеров.

«Хотя мысль насчет банкиров очень интересная. Вот ведь! Хе-хе, меня просто толкают на преступление. Чем брать кредит и платить проценты – мне проще ВЗЯТЬ и беспроцентный, и безвозвратный. Господи, ну ведь не планировал же ничего такого!»

– Так вы согласны, Александр?!

– При одном условии, Сергей Иванович: если вы хотя бы на первое время примете на себя управление моим будущим приобретением. Вы же понимаете – остальные просто не справятся с такой громадой.

Судя по довольному виду старикана, на что-то такое он и рассчитывал – моментально согласился и тут же засобирился в Санкт-Петербург – готовить документы на выкуп своих бывших владений. Проводив гостя, князь подумал, улыбнулся и достал из кармана серебряный рубль. Что-то загадал, щелчком пальцев подкинул монету и тут же припечатал ее к полированной поверхности стола. Затем медленно отвел руку в сторону и улыбнулся.

– Париж, значит?

Глава 4

Готовиться в большое турне по чуждадным краям князь Агренов начал весьма своеобразно: два дня подряд он запирался в своем кабинете и переводил бумагу на разного рода рисунки-схемы, заполненные совершенно непонятными сокращениями и фразами. Одни листки почти сразу комкались и летели в ненасытный зев камина, другие отправлялись туда же с некоторой задержкой. Но были и такие, что бережно укладывались в запирающийся ящик письменного стола для последующей доработки и шлифовки деталей. На третий день, когда у Александра только-только стало вырисовываться что-то более-менее жизнеспособное, ему пришлось прерваться: из Петербурга пожаловал стряпчий, сияющий как новенький золотой империал. Нарушая уже устоявшуюся традицию, он выложил на стол перед своим клиентом всего одну папку (и та была до неприличия тонкой) и заговорил:

– Александр Яковлевич, спешу вас порадовать! Господин министр государственных имуществ ВЗЯЛ!.. Гм, ваше прошение под свой особый надзор. И благодарность для его высокопревосходительства останется на прежнем уровне, ее размер оказался вполне достаточен. Известный вам чиновник уверил меня, что не далее как через полгода вы получите желаемое, и выразил надежду, что при надобности вы обратитесь именно к нему за консультациями.

– Ну что же, это не может не радовать. А что в папке?

– Документы от господина Мальцева касательно приобретения его бывшего Торгово-Промышленного товарищества – признаться, когда я с ними ознакомился, то поначалу не поверил. Такие масштабы для меня несколько... Да-с, работы предстоит много. Затем проект купчей по Людиновскому паровозостроительному – в принципе подготовка к сделке почти завершена, остались мелкие шероховатости. Ну и самым последним идет отчет моего брата – смею заметить, очень интересный отчет с очень заманчивыми предложениями.

Князь вытянул из папки последние три листа и погрузился в чтение.

«О как! Оказывается, он там уже пять исков вчинил и выиграл и еще два готовит. Доходы по лицензиям? О, молодец, не сачкует. А где предложения? А, вот. Понятно. Значит, фирма Кольта заинтересовалась и рассматривает возможность производства пистолетов. Как и компания имени товарищей Смита и Вессона. Что-то поздновато зачесались?»

– Так. Вот что, Вениамин Ильич, а пригласите-ка своего брата ненадолго вернуться на родину – есть у меня к нему серьезный разговор и поручение. Он ведь, как и вы, наверняка не откажется стать миллионером? А чтобы ему было не так скучно путешествовать в одиночестве, пусть отыщет вот этого господина.

В руки к стряпчему переключало письмо от Вальтера Грейна, точнее, часть письма с указанием адреса Джона Мозеса Браунинга.

– Его местообитание я подчеркнул. К этому господину у меня также имеется серьезное деловое предложение, а точнее – крупный заказ на конструирование оружия. Надеюсь, ваш брат проявит все свое красноречие, и я встречу с господином Браунингом? Разумеется, все неудобства от столь неожиданной и долгой поездки будут компенсированы. Далее. Я обдумал представленные вами варианты и решил остановиться на том особняке, что расположен на Невском проспекте, так что можете приступать к оформлению всех необходимых бумаг. Надеюсь, еще не поздно?

– Не извольте беспокоиться, Александр Яковлевич, устроим все в лучшем виде.

– Хорошо. Да, пока не забыл, пусть ваш племянник Геннадий займется проверкой состояния заводов, принадлежавших некогда Сергею Ивановичу, – у него уже есть необходимый опыт. Заодно, если представится такая возможность, пусть соберет сведения о казенных управляющих. Словом, как обычно. И прошу передать ему мою благодарность, он пре-

красно справился с прошлым поручением. Как вы считаете, возможно, стоит отметить его старательность небольшой премией?

Мнение молодого аристократа и его пожилого юриста вполне ожидаемо совпали.

– Ну и напоследок: вот вам очередной список заявок на привилеи, условия обычные.

Стряпчий согласно качнул головой и стал собираться.

Поработать в спокойной тишине кабинета в этот день Александру так и не удалось. Впрочем, как и в последующие: то его внимания домогался Греве, у которого ну никак не получалось соорудить аналог гранаты Ф-1 (вернее, взрывателя для гранаты – сам корпус с пироксилиновой начинкой получился с первого раза), то с очередным вопросом появлялся Сонин. Учитывая, что на фабрику стали прибывать завербованные им мастеровые и пошел одновременный запуск и оружейного, и станкостроительного производства, – вопросы у него появлялись ОЧЕНЬ часто, практически каждые полчаса. Не забывал забежать и Луцкой. Сей очень деятельный господин довольно-таки быстро снял пятикомнатную квартиру в Сестрорецке, переоборудовал две комнаты под конструкторское бюро и даже нанял кое-какой персонал в лице двух пожилых, но очень опытных чертежников. Ну и разумеется, что этими тремя господами дело не ограничилось.

С дружеским визитом (а заодно похвастаться своим карабином на основе винтовки МАг) к хозяину фабрики прибыл председатель приемной комиссии Императорского Тульского оружейного завода, гвардейской артиллерии капитан Мосин. Первым делом конструктор-оружейник поделился свежими сплетнями о суровых трудовых буднях Комиссии по выработке мелкокалиберного ружья. И самой интересной из них была новость о том, что с дистанции сошел бельгийский участник конкурса (а капитан Захаров вылетел еще в самом начале). Леон Наган привычно опоздал со сдачей своих винтовок на войсковые испытания и тем самым оказал себе очень дурную услугу. А вот соперникам Нагана, точнее одному из них, конкурсанту Мосину, эта задержка пошла только на благо: пользуясь дополнительным, и весьма немалым, временем (ни много ни мало – аж два с половиной месяца), Сергей Иванович довел качество изготовления винтовок МАг до максимально возможного. Так что когда испытания все же начались, для бельгийского фабриканта они стали чередой неприятных сюрпризов. Нет, до определенного момента все было хорошо: из оружия немного постреляли, разобрали-осмотрели, опять собрали. А вот когда винтовки (не все, конечно, а по дюжине от каждого конкурсанта) бережно уложили в ящик с песком и строительным мусором, после чего этот ящик хорошенько потрясли, затем оружие опять достали и нечаянно уронили на землю – раз этак пять-шесть... Потом попытались отмыть всю эту грязь, топя винтовки в мутной воде до появления ржавчины. Вот после всего этого и начались для бельгийца основные неприятности: «агрень» водно-пыльные процедуры пережила хорошо, МАг – вообще отлично, а оружие Нагана на такое обращение с собой явно обиделось. Косяком пошли многочисленные отказы, задержки, осечки, а у некоторых после второго-третьего выстрела вообще намертво клинило затвор. В общем, двести тысяч рублей золотом явно пролетали мимо кармана господина Леона Нагана.

– И когда же господа из Комиссии определятся с победителем?

– Я так думаю, Александр Яковлевич, что ближе к весне все станет ясно. Возможно, что и раньше, но в любом случае тут уж от нас с вами ничего не зависит. Да-с!

Толком похвастаться своим карабином капитану Мосину так и не удалось: вначале он увидел висящий на стене кабинета «кнут» в трех разных вариациях и пошел к Греве – навести справки. А едва зайдя на опытный участок, тут же узрел россыпь винтовочных патронов с остроконечной пулей и моментально обо всем забыл. Поинтересовавшись у Валентина Ивановича насчет нового боеприпаса, в ответ он услышал встречный вопрос:

– Простите, а какого именно?

– То есть? Вы хотите сказать, что их несколько?

Греве негромко распорядился, и уже через минуту к ним подошел мастеровой, доставивший сразу четыре «агрени».

– Вот, прошу: это под патрон 6,5×54, это под стандартный армейский 7,62×54. У последних двух соответственно – 7,62×59 и 7,62×63. Прикажете журнал испытаний? Или, так сказать, собственноручно на стрельбище?

– О?! Тогда, пожалуй, начнем с журнала.

– Ну что же, Сергей Иванович, давайте пройдем ко мне в оружейную.

Пока они шли, у Мосина явно зрел вопрос, а на месте, слегка ревниво оглядев увешанные оружием стены, он со скрытым недовольством в голосе поинтересовался:

– Позвольте узнать, а почему я не вижу МАг под новый боеприпас?

– Его сиятельство распорядились без вас работы по винтовке МАг не вести.

– О! Ну это разумный подход.

Успокоившийся конструктор на полтора часа засел за предоставленными ему бумагами, а остаток дня провел на стрельбище. На следующий день, напрочь забыв, что у него вообще-то недолгий отпуск, он прямо с утра выразил желание «немного поработать» в опытном участке. Услышав от хозяина фабрики, что «нет препятствий патриотам», Мосин сразу оккупировал половину станков. А также загрузил работой почти всех слесарей – благо что Греве возился с запалами в гордом одиночестве, временно забросив все остальные проекты. Князь же всего три дня спустя отчетливо понял: пока он рядом с фабрикой, покоя ему не видать.

– Гриша, тут дело такое.

Александр ненадолго задумался, как правильно построить разговор, и продолжил:

– Вот скажи – ты мне доверяешь?

Долгин всем своим видом выразил возмущение столь глупым вопросом:

– Командир!

– Да ты не горячись. Поездка нам предстоит не самая спокойная, и дела там будут не... очень законные.

– Ну и?

Главный инспектор опять выразил возмущение, только на этот раз тем, что командир в нем усомнился. А еще легкое недоумение – с каких это пор князя волнуют такие мелочи?

– Н-да.

«А чего я от него шифруюсь? Уж если кто и заслуживает правды – так это он. Почти всей правды, несущественные мелочи мы все же опустим».

– Григорий, то, что я тебе сейчас скажу, унеси с собой в могилу. Даже на исповеди молчи, понял?

Ошарашенный таким плавным изменением беседы, собеседник аристократа невольно выронил из рук мельхиоровую ложечку, которою еще миг назад помешивал чай.

– Вот скажи. Человек, который спас жизнь десятку людей, он какой?

– Ну уж точно не плохой.

– А если сотне. Сотне тысяч?

– Такого и вовсе впору к лику святых причислять. Только я что-то в толк не возьму, к чему ты это, командир?

– А если я ЗНАЮ, как спасти десяток миллионов жизней?

– Ну уж прямо... миллионов?!

Григорий неосознанно перекрестился и с тревогой посмотрел в лицо Александру:

– Это что же за напасть такая ожидается?

– Напасть? Хм. Сперва империя войну проиграет – потому как нынешнему императору недолго осталось, а тот, кто ему на смену придет, просто не справится. Потом революция

будет, потом еще одна война и еще одна революция. И напоследок третья война – Гражданская. Это, Гриша, когда брат на брата, сын на отца.

Князь подошел и в упор уставился на своего друга.

– Знаешь, откуда мне все ведомо? Иногда я вижу все, что только что тебе описал. Словно дурной сон. И придумки все мои – оттуда же. Просто вижу. Раз десять проверял, все сбылось.

– Господи святы, Александр Яковлевич! Миллионы!

Григорий поверил ему сразу, а поверив – моментально сгорбился и словно постарел. Командир всегда говорил ему только правду. Недоговаривал – такое было, но лгать не лгал, ни разу.

– Так вот скажи мне, если я хочу все это предотвратить. Любыми способами. И если понадобится, в крови по маковку замараюсь, а не допущу, чтобы в землю столько народа легло! Вот и скажи мне, Гриша, какой я человек?..

Григорий непроизвольно сжал голову руками и опять повторил:

– Миллионы... Командир, ну как же так? Почему? – Затем выпрямился и огладил усы. – Я уже говорил, Александр Яковлевич: куда ты, туда и я, а теперь уж и подавно. Ты мне только одно скажи: как до такого дойдут-то?

– Это долгий разговор, Гриша. Вот что, пошли-ка перед камином посидим?

На следующий день все провожающие сильно удивлялись повышенной угрюмости господина главного инспектора. Что, впрочем, никак не помешало им очень тепло пообнимать его на прощание – раз уж самое главное начальство нельзя.

Время в поездке из Питера в Вену пролетело очень быстро и для Александра, и для его спутника: первый разбирал свои черновые наброски и выискивал в них слабые места, а второй прихватил с собой в дорогу сразу пять учебников и методично их осваивал, периодически отвлекаясь на еду и сон. Бывший унтер-офицер, пообщавшись на фабрике с образованными, а иногда даже очень образованными людьми и добрый десяток раз за очень непродолжительное время почувствовав себя натуральным дураком, это ощущение запомнил. А запомнив, решил, что оно ему не нравится, и обратился за советом к князю, моментально получив на руки список литературы и ценное указание – не жадничать и нанять себе домашнего учителя. Насчет последнего он не успел, а вот сделать набег на букинистическую лавку удалось. В результате само путешествие в памяти Григория как-то не отложилось – зато в Вене он впечатлений набрался вдоволь. Учítывая, что до этого дня он в Австро-Венгрии если и был, то очень недолго (то есть догнал «несуна», скрутил, поднял и пинками погнал обратно на родимую сторонку, пока чужие погранцы не объявились), его интересовало буквально все! Благо что посмотреть было на что: на месте они не сидели и всего за два дня исколесили и прошли пешком как бы не половину города, посетив пару банков, семь-восемь аптек и дюжины две магазинов. Потом была Бельгия (в которую они добрались транзитом через Второй рейх) и ее бдительно-недовольные (но вежливые, этого не отнимешь) таможенники – там они сняли уютную квартиру в славном своими оружейниками городе Льеже, где и оставили часть багажа. И не только багажа, их настоящие паспорта тоже остались в арендованной ячейке местного банка. К моменту, когда они оказались во Франции, уральский казак Григорий Долгин чувствовал себя бывалым путешественником – шутка ли, четвертая страна за десять дней!

Сразу снять подходящее жилище не удалось, пришлось гостям столицы ютиться в шестикомнатном номере отеля с поэтичным названием «Лотти». Всю следующую неделю князь сразу после завтрака уходил, оставляя своего друга в одиночестве осваивать очередной учебник, и появлялся к часу-двум пополудни – иногда довольный, а иногда и не очень. Пообедав, они отправлялись бродить по улочкам Парижа, до позднего вечера осматривая

и изучая все, что только привлекало их внимание. Особенно запомнился путешественникам бульвар Капуцинок, где они впервые попробовали печеных каштанов. Александр, сняв пробу, свой кулек тихонько выронил – как-то не пошло ему это лакомство парижан. А его спутник свою порцайку уничтожил под корень. И только после этого осведомился, что же это такое интересное он съел, по вкусу прям как сладкая картошка?

– Каштаны.

– Да ну? А у нас ими животину подкармливали.

– Это еще что, Гриша. Я вот слышал, что французы очень лягушачьи лапки уважают, хорошенько обжаренные!

Долгин сглотнул и немного позеленел:

– Правда, что ль?

– Ага. Еще улиток виноградных употребляют, мидий, а устрицы – ну это навряд ли улиток или там слизняков – вообще за изысканное кушанье считается. Соком лимонным на них брызжут да прямо живьем и наворачивают, за милую душу. И сыр ценят исключительно с плесенью, да еще и основательно завонявший.

Позеленев еще больше, Гриша выдавил из себя:

– Не приведи господь так оголодать!..

Впрочем, следующее яркое впечатление напрочь перебило все мысли об особенностях французской национальной кухни. Дом инвалидов², а точнее, саркофаг Наполеона Бонапарта в крипте собора – произвел на русского путешественника прямо-таки неизгладимое впечатление. Особенно если учесть, что оба его деда активно участвовали в Отечественной войне 1812 года и успели поделиться со своим внуком избранными воспоминаниями о том, как они усердно шинковали солдат «непобедимой» армии своими саблями. На выходе им попался лоток, на котором были разложены с полсотни открыток с различными видами последнего пристанища французского генерала, первого консула и до кучи императора Наполеона I, – так Григорий скупил разом все, а его командир завертел головой в поисках фотографа (но так и не нашел, отчего немного огорчился). А бывший унтер немного осмотрелся да и принялся целенаправленно обходить лоточников, выискивая отсутствующие у него картинки. Завершив первый круг, он ненадолго задумался и тут же пошел на второй, мимоходом пояснив, что один комплект открыток он оставит себе, а второй по частям презентует многочисленным родственникам. По такому делу пришлось ненадолго зайти в букинистический магазин за большим альбомом – и там уже оторвался Александр, пересмотрев все книги на полках.

В следующие дни они посетили кабаре «Красная мельница», то есть «Мулен Руж», и посмотрели знаменитый танец канкан (после чего господин Долгин на некоторое время выпал из жизни, потому как такой крутой эротики ему видеть еще не приходилось). Прошли мимо Нотр-дам-де-Пари (во время осмотра князь заметил приземистого горбуна и фыркнул, пробормотав себе под нос непонятное, но явно женское имя). Попытались прогуляться по Булонскому лесу, но не удалось. Из осторожных расспросов прохожих выяснилось, что лес был, причем достаточно неплохой. Но к сожалению, он не перенес последнего визита соединенной русско-прусской армии в Париж: невежественные варвары попросту пустили его на дрова, обогреваясь суровой (местами даже со снегом) зимой.

– Печально. Скажите, мсье, а в честь кого установлен вон тот памятник?

Оказалось – героям сопротивления, додумавшимся устроить засаду на входящую в город колонну союзных войск, с целью обстрелять и... В общем, непонятно с какой целью.

² Дом инвалидов – комплекс домов призрения для заслуженных армейских ветеранов в Париже; построен по приказу короля Людовика XIV в 1670-х гг. Со временем собор Дома инвалидов стал усыпальницей выдающихся военных деятелей Франции во главе с Наполеоном I Бонапартом. Камень красный порфир, из которого изготовлен знаменитый саркофаг Наполеона, подарил французам император Николай I.

Потому как три десятка любителей против как минимум пяти тысяч регуляров, да в эпоху кремневых ружей – это всего лишь одна из разновидностей изощренного самоубийства. Конечно же засада не удалась, и будущих героев мимоходом прихлопнули, даже не прекратив движения. В принципе про них и потом бы никто не вспомнил, но они оказались единственными сопротивленцами из полумиллионного населения города, а значит, подлежали обязательному увековечиванию в мраморе и бронзе. В мраморе непосредственно на месте подвига, в бронзе – рядом с Домом инвалидов.

– То-то я думаю, чего это мне каменюки знакомыми кажутся! Хм, интересно. Прошу прощения, мсье, а где я могу заказать копию этих скульптур?

Добравшись на следующий день до художественной мастерской, Александр первым же делом признался ее хозяину в своей сильной любви к искусству. А также о давнишнем желании поставить в своем загородном доме при входе две статуи сфинксов или чего-то подобного им. Даже небольшой рисуночек приготовил, вдруг представится возможность?

– Понимаете, я давно хотел совершить путешествие в Египет, увидеть следы былого великолепия и почувствовать дыхание прежних времен... Но все как-то не получается. Так вы говорите, разницы между вашим творением и работой древних мастеров не будет? А знаки?

– Какие знаки, мсье?

Мастер явно заинтересовался возможным заказом, но держал себя солидно, всем своим видом показывая, что далеко не бедствует.

– Ну эти. Как их там?... Иероглифы. Надо, чтобы они присутствовали, как на сфинксах в Лувре!

– Будут.

– А сроки? Я, знаете ли, через две недели покидаю ваш город, и мне не хотелось бы оставлять это дело незаконченным.

– Можно и через две недели. Но мне придется отложить в сторону остальные заказы, так что?..

Мастер вопросительно посмотрел на своего клиента, и тот его не разочаровал: небрежно кивнул и вытащил из внутреннего кармана пухлую пачку франков:

– Вот, это аванс. Так вы гарантируете?

– Да, мсье.

– Отлично, я загляну к вам через десять дней.

Оторвав своего спутника от осмотра небольшой партии «греческих» статуй (Гриша до того проникся их красотой, что не удержался и погладил выдающийся бюст одной богини), ценитель прекрасного учтиво попрощался, и они покинули мэтра Роше. Приняв важное решение – полностью посвятить этот день искусству во всех его проявлениях, Александр потащил своего спутника в ателье, где с них часа два снимали всевозможные мерки, а потом в оперу. Только вошли они не с парадного входа, а со служебного. Пятнадцать минут энергичных переговоров с немного растрепанным господином почтенного возраста завершились тем, что князь расстался с очередной пачкой франков, а взамен получил просто-таки громадный и на удивление легкий чемодан.

– Фух, пожалуй, на сегодня все.

– Ага. Командир, так, может, махнем опять в «Мульен Руж»?

– Ну я в принципе не против. Вообще-то есть еще одно неплохое кабаре, так, может, туда?

Но посмотреть очередной канкан в этот день им не удалось. В отеле, где они ненадолго появились, чтобы оставить неожиданно образовавшийся багаж, их уведомили, что для господ Олаха и Ференци имеется корреспонденция от их маклеров.

– Угум. Дружище, мы переезжаем.

– О. А чего так?

– Нашлась подходящая квартирка. Кстати, недалеко от отеля и совсем недорого. А завтра мы с тобой поедem осматривать еще более подходящий нам особнячок в пригороде.

Глядя, как на лице у Гриши появляется выражение вселенской грусти, Александр не выдержал и рассмеялся – его приятель уже не раз намекал, что не прочь поближе познакомиться с француженками. Да и командиру было бы неплохо «развеемся» от забот. Учитывая, что кабаре у бывшего унтера прочно ассоциировалось с большим (правда, дорогим) борделем... Настроение было отличнейшее, пункты плана выполнялись один за другим, и поэтому он решил немного утешить своего друга:

– Завтра с утра поедem покупать пулемет. А вот ближе к вечеру можно будет и на улицу красных фонарей заглянуть – хотя в Париже половину кварталов можно этими фонарями увешать.

– И что мы там будем де... Погоди, командир. Пулемет?!

Григорий пришел в состояние радостного предвкушения: об этом оружии много кто слышал, да мало кто видел. А уж пострелять из него и того меньше народу удостоилось. На следующий день (причем у отставного штаб-ротмистра сложилось такое впечатление, что его спутник и не ложился) они слегка загримировались и отправились в парижское представительство фирмы «Максим-Норденфельд», которое торговало не только пулеметами, но и скорострельными пушками. Впрочем, как оказалось, у них и динамитными шашками можно было разжиться без особых проблем. Улыбчивый и очень предупредительный продавец многословно поведал ранним посетителям о том, как правильно они поступили, обратившись именно в их фирму. И пообещал умереть, но удовлетворить все пожелания господ покупателей.

– Конечно, мы так сразу и поняли, что вы готовы нас удовлетворить. Н-да. Что скажешь?

– Берем!!!

Спутник князя от избытка чувств ответил слишком громко и напористо, отчего продавец (не понявший из короткого диалога ничего и заподозривший в более молодом покупателе всего лишь переводчика) заметно обеспокоился, не понимая причины такого недовольства.

– Мсье?

– Сколько?

– О! Прекрасный выбор за относительно небольшие деньги, всего семь тысяч франков, и этот прекрасный механизм будет ваш. Возможно, мсье желают опробовать его в действии? Наша фирма предоставляет такую возможность солидным покупателям.

Мсье желали. К удивлению Александра, пробовать они стали выставочный образец, и, пока дорвавшийся до сладкого Долгин осваивался с новой игрушкой, его командир уточнил – а когда они смогут забрать свою покупку? Разумеется, в том случае, если все-таки решатся на нее? Оказалось, всего лишь через три недели. Связано это было с тем, что частные лица, желающие приобрести новое (а для многих еще и весьма сомнительной надобности) оружие, у крыльца представительства отнюдь не толпились. Собственно, они вообще были первые за последний месяц, а государственные структуры размещали свои заказы прямо на заводе, без промежуточного звена в виде представительства.

– Боюсь, у нас нет столько времени.

– Возможно, заявленный мною срок удастся ненамного уменьшить. Скажем, на пять дней?

– Ну почему же ненамного. Кстати, я не расслышал ваше имя?

– Бернар Соннэ, к вашим услугам.

– Так вот, Бернар, как вы понимаете, мы с моим компаньоном занятые люди и не можем так долго ждать. Давайте поступим следующим образом: я передам вам двойную цену пуле-

мета наличными прямо сейчас, а вы сами уладите все формальности со своим начальством. Мы же заберем с собой представленный вами образец завтра – ближе к вечеру. Что скажете?

Спустя пятнадцать минут и потратив еще три тысячи франков, они договорились. Причем в комплект поставки (очень немаленький комплект, одних патронов две тысячи штук) вошли и два ящика динамита с бухточкой бикфордова шнура – как маленький дополнительный бонус.

Остаток этого и следующий день полностью ушли на обустройство на новом месте жительства. Вернее, сразу двух мест – двум венгерским компаньонам понравились и особняк, и квартирка. Первый своими глубокими подвалами, узкими окнами-бойницами и отсутствием вблизи соседей. А вторая наличием сразу двух входных дверей с отдельными лестницами (для прислуги и жильцов соответственно) и крайне удобным своим расположением, почти в центре города. Правда, был у нее и небольшой недостаток: многовато лишних глаз. Поэтому после того как Григорий потратил на стрельбище компании три четверти боекомплекта (все равно не пригодится, так зачем таскать лишнюю тяжесть?), пулемет с немалыми предосторожностями перевезли в особняк (вообще-то обычный двухэтажный дом, слегка обветшалый снаружи, но с вполне приличной отделкой и меблировкой внутри). Туда же уехала половина багажа и все покупки и сувениры. После этого Александр переложил кое-какие мелочи вместе с частью динамитных шашек в стильный светло-желтый саквояж и отправился в короткое турне по отделениям банка «Лионский Кредит», оставив своего друга в квартире – ковыряться в изобретении Хайрема Максима. Вернулся князь очень довольный и первым же делом объявил программу дальнейших действий:

– С утра прикупим себе пару револьверов и пристреляем их. Заглянем в аптеку – я бутылку эфира нечаянно разбил. Заберем заказанную одежду. А потом!..

– В кабаре?!

– Ну это ты немного поторопился. Потом я тебе устрою небольшую экскурсию. А вот потом можно и в кабаре – если захочешь.

– Да уж не откажусь.

Рассчитывая по-быстрому отовариться в оружейной лавке, Александр допустил ошибку. Вернее, планировал он все правильно, да вот советчик его немного подвел, направив в магазин имени Анри Форе Лепажа. Пройдя внутрь буквально пару шагов, князь и его спутник невольно замерли. Потому как шли они в магазин, а попали на натуральную выставку изящно-красивых, явно очень дорогих ружей и дуэльных пистолей. Нет, привычные им образчики вооружений тоже присутствовали, но на фоне изделий ручной выделки, привлекающих внимание дамаском стволов, позолотой, травлением и даже инкрустацией, смотрелись невзрачно, как бедные родственники. Проведя взглядом до конца «экспозиции», Александр удивился еще больше: доселе такого многообразия холодного оружия ему не попадалось. Сабли, рапиры, палаши, стилеты, шпаги, охотничьи ножи... Затянувшееся созерцание прервал его спутник, совершенно невежливо дернувший его за предплечье.

– Что?

Вместо ответа Григорий кивнул на неприметный закуток. Там на стене висели сразу пять арбалетов.

– Похожи.

– Так здесь и купили. Как думаешь, командир?

– Сейчас поди узнай... да нет, вряд ли.

Подошедший к ним продавец немного опешил, услышав тихое ругательство сразу от двух человек (крепким выражениям на иностранных языках бывший унтер учился быстрее всего и, что самое интересное, пользовался ими вполне непринужденно и почти без акцента). Покупка двух короткоствольных наганов бельгийского производства совершилась обыденно

и как бы между прочим – одного покупателя явственно заинтересовали сабли и прочие остро заточенные железяки, а второй замер напротив полок с револьверами.

– Мсье что-то интересуется?

– Да. Покажите этот и этот.

– Прошу.

Александр взвесил оружие на руке, удивился его тяжести и размеру, после чего откинул упор из тонкого стального прута в боевое положение и примерился. Стоявший напротив него продавец негромко, почти интимным шепотом поведал:

– Системы Галанда, специально для охоты.

«На слонов, что ли? Увесистый какой. Патроны если кончатся, так можно в качестве дубинки использовать. Ну что, надо брать – револьверов с прикладами у меня в коллекции нет. А что второй?»

– «Ле мат», как вы видите – двуствольный. Позвольте продемонстрировать? – Услышав это, насторожившийся Долгин подтянулся поближе к командиру. – Вот, верхний ствол на девять зарядов, а нижний дробовой, правда, он дульнозарядный. Вот так и так, и оружие будет готово к использованию. Не желаете осмотреть наши ружья? Есть новые поступления от Перде и Зауэра?

– Нет, пожалуй, это лишнее. Особенно, гм, Перде. Гриша, ты себе что-нибудь присмотрел?

– Там палки неплохие.

– Палки?

Оказалось, что в этом оружейном салоне вполне можно прикупить себе и трость по вкусу. Правда, и тут сказывалась оружейная специфика, то есть на выбор предлагались: трости с клинком внутри; залитые свинцом (с виду тонкая палочка, а как прилетит по хребту, так мало не покажется); и стреляющие – правда, последние были одноразовыми. В смысле после использования девайсу³ требовалась долгая и муторная перезарядка в спокойных условиях. Напарнику князя по душе пришелся именно первый вариант, как, впрочем, и ему самому. Потом настал черед шпаг и сабель, затем Гриша примерился к арбалету... Уйти из магазина они смогли только через полтора часа, знатно прибахлившись: Александр не стал выбирать между двумя раритетами от Галанда и Ле Мата, присоединив их к уже купленным наганам. В эту же кучку легли приглянувшаяся непонятно чем шпага и изящная тросточка с полуметровым клинком-стилетом внутри. Его спутник ограничился арбалетом (который так и не выпустил из рук) и почти такой же тростью, только с набалдашником другой формы.

«Вот такой у меня должен быть магазин в Питере – и не хотел ничего лишнего покупать, а все равно не удержался!»

До аптеки они добрались только после полудня, предварительно забрав все свои обновки из ателье. Коротко (и непонятно для своего спутника) переговорив с человеком за аптечным прилавком-стойкой, Александр получил от него толстенную брошюру, листов примерно на семьдесят, и с неброской обложкой зеленого цвета.

– Слушай, Гриша. – После чего вчитался и немного монотонно стал переводить: – Ежегодный указатель адресов публичных домов во Франции, Алжире, Тунисе и крупных городах Швейцарии, Бельгии, Голландии, Испании и Италии. Хм, а Российской империи нет. Как, впрочем, и Второго рейха – и это не может не радовать. Да, а составил этот путеводитель некий господин Паджиолено. Но есть и несколько устаревший выпуск, от господина Шевре.

– Ух ты! Я себе такой же хочу!

Оживившийся мужчина потянулся за своим портмоне, но был остановлен словами друга:

³ Девайс – какое-либо техническое устройство.

– Так я тебе и купил – мне такое не надобно. Так вот...

Тут в их разговор, предварительно вежливо кашлянув, вклинился аптекарь, с легким звяканьем стекла поставив перед собой небольшую бутылочку:

– Прошу, ваш эфир. Господа, не желаете ли приобрести мужские щиты?

– Щиты? Зачем они нам?

Увидев недоумение в глазах посетителей, аптекарь выложил на прилавок три небольшие коробки и принялся рекламировать свой товар:

– Вот, это производства САСШ, есть остроконечные и с резервуаром, резина высочайшего качества. Белые, красные... Прошу вас, господа, выбирайте. Вот из пропитанного шелка. Есть и из рыбьего пузыря – в основном из семги и другой благородной рыбы. Господин?

Александр добросовестно транслировал рекламу Грише, с интересом разглядывая достижения пытливой человеческой мысли, пока не услышал непонятное сопение. Поглядел на своего спутника и тут же закашлялся от сдерживаемого смеха – он впервые видел Григория настолько растерянно-удивленным и румяным.

– Давайте пару дюжин американских белых щитов и по паре штук остальных видов – возьмем на пробу. А рекомендаций по использованию у вас нет? Благодарю.

Выйдя на улицу, князь продолжил прерванную беседу, попутно с интересом разглядывая в еще одной брошюрке немудреные картинки, доходчиво разъясняющие, как именно пользоваться новомодными штучками.

– М-да, реализм! Так вот, о чем это я? Ах да. В справочнике, который ты сейчас держишь, кроме адресов борделей есть и перечень болячек, которые можно легко подхватить, шатаясь по таким заведениям. К примеру, гонорею, которую, что интересно, называют именно французским насморком... Давай зайдем ненадолго вот в это кафе?

Устроившись поудобнее и дождавшись, пока улыбающаяся девушка принесет им по чашке кофе, Александр улыбнулся ей в ответ. Выслушал пару фраз и, отрицательно покачав головой, продолжил небольшую лекцию:

– Этот самый насморк лечат так, что больной зачастую умирает не от болезни, а от лекарства – ртуть вообще не очень полезна для организма, а уж в таких количествах и подавно. Получается интересная дилемма: или гнить заживо, или планомерно принимать отраву – и в любом случае прежнего здоровья не будет. Хм, погляди, как призывно на тебя смотрит вон та девица – видишь?

Григорий, продолжая сосредоточенно хмуриться, машинально огладил усы и быстро скосил глаза в сторону своей почитательницы.

– А ничего так, не тощая.

– Рад, что тебе понравилось. Если есть желание, то ты вполне можешь покувыркаться с нею прямо сейчас.

– ?! Так она что, из этих? – Тут Григорий задумался, припоминая, и неверяще уточнил: – Командир, а вот мы с тобой в кафе всякие заходили, там нам так же улыбались – так они что, тоже... Того?

– Удивлен? Это ты языка местного не знаешь, а то бы уже наслушался заманчивых предложений о страстной любви. И всего за десять франков. Есть, правда, одна тонкость, Гриша: чем дешевле «любовь» предлагают, тем дороже она тебе обойдется в плане здоровья. Вон та красавица, на которую ты так упорно косишься, наверняка может одарить тебя чем-нибудь таким, на долгую память о Париже.

Собеседник Александра уныло вздохнул и потянулся за чашкой кофе – судя по всему, загул по борделям отменялся. Не дотянулся, так как услышал совершенно неожиданное для себя пожелание-приказ:

– Не все так печально, друг мой. Если будешь посещать только дорогие заведения подобного рода и пользоваться при этом... хм, резиновой амуницией, глядишь, никакая зараза и не пристанет. Ладно, на этом, пожалуй, мы и закончим эту небольшую лекцию.

Князь достал из кармашка часы, щелкнул крышкой и задумчиво нахмурился:

– В кабаре еще рановато, так что можно немного прогуляться. Или зайти в ресторан. Ты как, не надумал еще трюфелей попробовать?

– За такие деньги пускай сами свои грибы жуют! А вот оглядеться еще разок с Эйфелевой железяки я бы не отказался.

– Можно. Тем более что там рядом и кабаре подходящее имеется, «Черный кот». И не только кабаре – если верить господину Паджиолено, мы всего за десять минут дойдем до «Шабане».

– Это что за зверь такой?

– Ну ты же хотел посетить бордель? Вот он и есть, элитный. Даже отмечен призом Всемирной выставки за... – Александр достал и немного полистал путеводитель. – За очень красивую отделку комнат в японском и греческом стиле.

– Что, правда? Им тут уже и призы дают?

– Я тоже удивился, только немного другими словами.

На квартиру русский аристократ вернулся глубоко за полночь и в одиночестве, с некоторым сожалением и завистью оставив Григория (и две тысячи франков) в надежных руках младшей бордель-мадам из «Шабане». К утру появился и его напарник – с шалыми глазами загулявшего мартовского кота и следами помады на воротничке.

– Ну как оно?

– Очень!

– Понятно. Сегодня отдыхаем, а завтра... Завтра приступаем к основным развлечениям!

Глава 5

Анри Жермен, основатель и полновластный владелец (ну почти – другие акционеры теоретически тоже имели право голоса, но на практике предпочитали молчать в тряпочку) достаточно известного банка «Лионский Кредит», как раз собирался немного прогуляться, а заодно и отобедать перед очередным заседанием правления, как в его кабинет вбежал взволнованный секретарь:

– Господин Жермен, в нашем отделении на Итальянском бульваре только что произошел взрыв! – Банкир от неожиданности выронил свой цилиндр, тут же забыв про него, а помощник продолжал изливать на него подробности произошедшего: – В половине пятого, прямо в депозитарии – жертв нет, даже охранник не пострадал. Управляющий немедленно закрыл отделение и отправил к вам посыльного, жандармов пока не вызывали. Ваши распоряжения?

– Экипаж, быстро!

Лично осмотрев покоренные ячейки (точнее, одну пустую и без дверки и семь соседних, у которых эти самые дверки заметно перекосило), Анри немного успокоился – все было не так страшно, как он себе представлял. Конечно, придется потратиться на ремонт и позаботиться о том, чтобы его клерки держали язык за зубами, – но и только.

– Клод!

Стоявший немного в отдалении секретарь тут же подошел поближе к своему шефу и приготовился выслушать распоряжения, а управляющий и так стоял рядом.

– Депозитарий закрыть на два дня – думаю, вам хватит этого времени на ремонт, господин Дювуа? Хорошо. Клод, немедленно займись поисками особы, арендовавшей эту ячейку, – надеюсь, этот господин, кем бы он ни оказался, достаточно богат, чтобы позволить себе подобные... развлечения. Интересно, что же такое было в ячейке? Н-да. Убытки, кругом одни убытки!

К тому моменту, когда правление собралось в полном составе, Жермен уже полностью успокоился, а за окнами его роскошного особняка стали сгущаться сумерки.

– Итак, начнем. Как обстоят дела в остальных наших отделениях?

Дверь беззвучно распахнулась, заставив банкира замолчать в легком шоке: в комнату, где все они находились, спокойно зашел немного полноватый и седовласый человек в карнавальной маске средневекового врача на лице и с револьвером в руке:

– Прошу прощения за столь поздний визит, мсье. Нет-нет, вставать не надо. Сидеть!

Невольно вздрогнувшие от тихого рыка и выразительного жеста револьвером, финансисты покорно вернулись на свои места.

– Руки положить на подлокотники, смотреть перед собой, сидеть тихо.

Хэк!

– Я же просил – сидеть тихо.

Попытавшийся резко вскочить банкир получил строго дозированный и почти незаметный из-за скорости удар в горло и подавился, откинувшись обратно на спинку стула. Накрепко соединив всех присутствующих с их стульями, неожиданный гость еще раз обошел всех с проверкой, после чего поправил свои перчатки и уселся во главе стола – прямо напротив хозяина дома.

– Что все это значит! Вы вообще представляете, кому пытаетесь угрожать?!!

– Конечно же представляю. Справа от вас сидит ваш первый заместитель, Арнольд Мазерс. Слева – Жорж Клейнман, следом за ним... впрочем, это неважно.

– Кто вы такой?!

– И это тоже неважно. Давайте поговорим о действительно интересных вещах – к примеру, о сегодняшней мелкой неприятности.

Старый банкир достойно держал удар: пока его подчиненные задавали глупые вопросы, он напряженно думал, как выкрутиться из неприятной ситуации.

– Мелкой, потому что взорвалась всего одна шашка динамита. А вот когда таких шашек штук пять-шесть или даже десять, то это уже мелочью ну никак не назовешь. Вы со мной согласны, господа? Дюжина таких неприятностей в отделениях вашего банка – и он попросту разорится... Начнем наши переговоры?

Хозяин дома все же не выдержал:

– Переговоры? И о чем же, позвольте вас спросить?

– Как о чем? О кредите конечно же. Мне поручили провести с вами переговоры о получении беспроцентного и безвозвратного кредита на сумму в три миллиона.

Первый заместитель владельца банка явно через силу (и поглядывая при этом на револьвер, лежащий на столе стволом в его сторону) выдавил из себя.

– Это грабеж.

– Можно сказать и так, я не против. Мсье Жермен?

– Если я откажусь?

– Тогда я уполномочен предложить вам другой выбор: кладбище Пер-Лашез, Монпарнас или Монмартр. Разумеется, неприятности в отделениях вашего банка тоже состоятся.

Банкиры переглянулись, после чего их глава выразил общее мнение:

– Нам надо посоветоваться.

– Конечно, мне как раз необходимо ненадолго вас покинуть.

С некоторым опозданием Жермен поинтересовался:

– Что с прислугой?

– Спит на ваших диванах – вы уж не ругайте их за это, так получилось.

Вымогатель вышел и почти сразу вернулся: в одной руке у него была клетка с небольшим пятнистым кроликом, а в другой отчаянно желтый саквояж. Молча опустив клетку на стол, он осторожно извлек из саквояжа большую, потертую на углах шкатулку с восточными орнаментами и бережно поставил ее перед собой.

– Не обращайтесь внимания... так что, каков будет ваш ответ?

Анри Жермен еще раз поглядел на своих коллег по кредитному делу и согласно кивнул:

– Вы получите свои деньги.

– Я искренне рад познакомиться с таким разумным человеком. Обсудим мелочи?

Человек в карнавальной маске поднялся и раскрыл шкатулку, позволяя и остальным увидеть ее содержимое – две дюжины небольших разноцветных флакончиков, а между ними, в небольшом углублении, три маленьких шильца.

– Так... попрошу вашего внимания.

Осторожно раскупорив один из флаконов, он опустил в узкое горлышко одно из шил... а скорее игл, и так же осторожно достал. Коротко ткнув кролика своей иглой-переростком, переговорщик положил свой инструмент рядом с клеткой и как ни в чем не бывало уселся обратно. Не обращая внимания на недоумение в глазах своих собеседников, он продолжил, слегка демонстративно достав и развернув лист бумаги:

– Прошу прощения, годы уже не те, и память иногда меня подводит. Так, что тут у нас? Ах да, кредит! Как скоро вы сможете собрать необходимую вам сумму?

– Нам?!! Вы получите свои три миллиона франков послезавтра, и я надеюсь, что вскоре вы очень пожалеете, что...

Жермен слегка подавился словами от излишней эмоциональности и замолчал, приходя в себя.

– Разве я говорил, что нужны франки? Нет, господа, не франков, а фунтов. Фунтов стерлингов, если кто-то не понял, мелкими кредитными билетами, до двадцатифунтового номинала.

Ответом ему была полная, можно сказать – могильная тишина.

– Вы сошли с ума...

– Эта претензия не ко мне – я лишь озвучиваю пожелания заказчика. Вообще, я бы на вашем месте радовался, что есть возможность сохранить жизнь, а вы? Или вы считаете, что деньги дороже? Будете живы – возместите все ваши потери, а на тот свет ничего с собой не возьмешь. Тем более что такая потеря хоть и чувствительна для вашего денежного дома, но совсем не смертельна – в этих вопросах мой заказчик ошибаться не может.

– Вы уже несколько раз говорите про вашего таинственного заказчика... Кто же он?

– Такие сведения для вас смертельно опасны. Не будем затягивать разговор. Ваш ответ?

С этими словами вымогатель, оказавшийся и не вымогателем вовсе, а хоть и необычным, но тружеником по найму, взял в руки револьвер и прицелился в главного собеседника.

– Мы... я согласен.

– Хорошо. А теперь небольшая страховка с моей стороны – вы ведь не против, мсье?

Человек в маске достал из шкатулки и поставил на стол еще один флакончик мрачно-черного цвета и медленными движениями свинтил с него крышечку. Аккуратно смочив жало новой иглы, он подошел сзади к тому из банкиров, кто был ближе всех, и... воткнул иголку прямо ему в шею. Второй кандидат на иглоукалывание, увидев такую картину, начал было дергаться, но моментально затих после несильной оплеухи и спокойных слов:

– Я могу позвать своих помощников, и вам будет гораздо больше.

– Так вы тут не один?

Проигнорировав вопрос и обработав похожим образом всех гостей хозяина дома, он вернулся на свое место и указал:

– Прошу обратить внимание на кролика, мсье.

С длинноухим творилось что-то явно нехорошее: он лежал на боку и мелко дергал задними лапами, время от времени подрагивая всем телом.

– Увы, ему осталось недолго. Так вот: решать вопрос с кредитом будут ваши подчиненные, мсье Жермен, а вы немного погостите у меня. Уверяю вас, во вполне комфортных условиях. А через полмесяца мы с вами расстанемся.

– Но!

– Понимаю. В наше время так мало по-настоящему преданных людей! Можете быть спокойны – они сделают все, что только в их силах, для... скорейшего решения нашего вопроса. Потому что если этот самый вопрос не решится, они попросту умрут – как бедняга-кролик.

– Что значит – умрем?

Это подал голос самый молчаливый из присутствующих, главный казначей банка Жорж Клейнман.

– Посредством этой иглы я только что ввел вам яд. Почти такой же, что и кролику. Очень редкий и, надо заметить, очень дорогой яд. В свое время за его рецептуру я заплатил бриллиантами и... впрочем, это вам неинтересно. В чистом виде на человека он действует следующим образом: после приема бедняга тихо засыпает и больше уже не просыпается – вот как это бедное животное.

Не сговариваясь, все еще раз посмотрели на клетку и убедились, что ее обитатель окончательно затих.

– Вам досталась немного другая разновидность, с несколько замедленным действием – как минимум на пятнадцать дней. Точнее сказать затруднительно, но уж за полмесяца я ручаюсь.

Присутствующим в комнате казалось, что они видят дурной сон: с ними вежливо разговаривали, не кричали и почти не угрожали, – но интонации и лед в голосе этого непонятного человека заставляли чувствовать смертный холод, а мысли о сопротивлении сами собой угасали, стоило только им вслушаться в то, что и как он говорил. Спокойно, очень уверенно и с заметной скукой – так, будто обсуждал крайне незначительный вопрос, выполняя уже давно опостылевшую работу.

– Небольшое жжение скоро пройдет. Вот второй яд, он же противоядие, – нейтрализует первый и в процессе этого сам становится легким стимулятором, наподобие кофеина. Принять его необходимо не позднее вечера четырнадцатого дня... вопросы? Нет вопросов?

Уткнув взгляд в столешницу, Мазерс глухо произнес:

– Если мы не сможем набрать столько мелких банкнот?

– Н-да? Одну минуту. – Их мучитель опять пошелестел листом со своими инструкциями, после чего успокоил присутствующих: – Можно часть кредита предоставить и... так, долларами и марками. Часть – это значит, что фунтов должно быть не меньше половины, а остальное на ваше усмотрение. И еще, мсье, я надеюсь, вы понимаете, что после получения все банкноты пересчитают и проверят, а только потом ваш шеф с вами воссоединится? Отлично. Когда все будет готово, вы дадите объявление вот в эту газету – да, ту самую, что лежит рядом с вами. Одно слово – «Готовы». И незамедлительно получите от меня дальнейшие инструкции.

– Нам требуется... обсудить, как все лучше устроить, и составить несколько бумаг с распоряжениями.

– О, конечно! Надеюсь, вы не будете делать необдуманных поступков, мсье Жермен? Все, ваши руки свободны.

Пока финансисты обсуждали дела свои скорбные, доверенное лицо таинственного заказчика спокойно вернуло свою шкатулку в саквояж и вместе с клеткой отнесло к двери. Дверь открылась, показались руки, подхватившие невеликий багаж, дверь закрылась... а у наблюдавших за этим банкиров не осталось никаких сомнений в том, что за дверью стоят «ассистенты» их отравителя.

– Вы закончили? Прекрасно, в таком случае я попросил бы мсье Жермена проследовать на выход.

Подождав, пока за хозяином особняка закроется дверь, человек во главе стола достал из внутреннего кармана небольшую склянку и платок.

– Сейчас вы уснете, а когда проснетесь – будете полностью свободны. Да! Перед тем как мы с вами попрощаемся, я хотел бы дать вам небольшую рекомендацию – все же наше сотрудничество было весьма плодотворным, и вы явно ее заслужили. Рекомендация такова – постарайтесь, чтобы претензии моего заказчика ограничились только вашим банком. Вы меня понимаете?

Арнольд Мазерс осторожно признался:

– Не совсем.

– Чего же тут сложного? Вы вполне можете додуматься до того, чтобы переписать номера банкнот или каким-либо образом их пометить для последующего отслеживания, но на пользу это никому не пойдет. Когда сей прискорбный факт вскрыется, последует новый заказ, уже касательно ваших персон. Так понятнее? А я уже не мальчик, чтобы мотаться через полмира по такому незначительному поводу! Кхм, ладно, умному достаточно. – Последнюю фразу он произнес на латыни, одновременно раскупоривая бутылку с эфиром. – Всего хорошего и до скорой встречи.

Минут через пять человек в маске оглядел присутствующих в последний раз, освободил казначея от веревок и вышел.

– Ну как оно, командир?

- Утомился я с ними что-то. Как наш денежный мешок?
- Да он и понять ничего не успел – вон, похрапывает в уголке. Тяжеленный, зараза!
- Ничего, до экипажа уж как-нибудь дотащим...

На шестой день своего вынужденного безделья Анри Жермен созрел до простой мысли – узнать имя недоброжелателя у своего же тюремщика. Дождавшись, пока тот принесет ему очередной ужин (или завтрак, или обед – время в подвальных апартаментах определить было очень затруднительно, а его часы и прочие мелочи забрали на сохранение гостеприимные хозяева), банкир принялся за осторожные расспросы. Такие осторожные, что его собеседник уже на третьей минуте разговора понял, куда именно клонит финансист.

– Интерес ваш понятен. Однако, дорогой Анри, существуют негласные и неписанные правила, которые тем не менее нарушать категорически не рекомендуется, так сказать, во избежание – вы ведь меня понимаете, не так ли? Имя заказчика не разглашается ни при каких обстоятельствах. Но... чтобы утешить вас, я могу слегка намекнуть... Скажем, два вопроса, на которые я отвечу со всей возможной правдивостью.

– Вот как? Вы даже не хотите вознаграждения за свои ответы?

– Вы опять? Я же вам говорил – деньги меня интересуют в последнюю очередь, и тем более мой контракт вам перекупить не удастся.

– Сколько же вам заплатили?

– Да уж, определенно финансист – это на всю жизнь. Плата может быть разной, мой дорогой Анри, и необязательно деньгами – на свете много такого, что стоит дороже презренного металла. К примеру, редкие книги или камни определенного толка. Некоторые из моих ядов воистину бесценны – из-за своих ингредиентов или сложнейшей рецептуры приготовления. Хм, а один и вовсе называется императорским.

– Дайте угадаю – им пользовались императоры?

– Не совсем так: им отравили императора.

Банкир откинулся на свою лежанку с бокалом вина в руке (похитители свое слово держали, и заточение и впрямь было комфортным) и с интересом спросил:

– Какого же императора... э... и все же, как мне вас называть?

– Можете называть Пойзон, Гифт, Велено, Пуазон – одним словом, так, как вам заблагорассудится. Так вот, императора вы несомненно знаете, так как это был именно ваш император, Наполеон Первый.

От такой информации узник на пару минут попросту завис, пытаясь переварить услышанное.

– Вы меня мистифицируете?

– Чего ради? Все равно вам никто не поверит. Да и яд достаточно сложно определить, хотя... в волосах его следы должны были остаться, да. Впрочем, и в этом случае подобное знание для вас бесполезно – вряд ли вам разрешат тревожить прах великого корсиканца. Ну что же, у вас ровно два вопроса, и предупреждаю сразу – имя или фамилию я вам не назову.

– Это... мой конкурент? Стойте, это не вопрос! Так! Ваш заказчик – он имеет отношение к финансам?

– Самое непосредственное.

– Мой коллега, значит.

Банкир напряженно глядел на изученную до малейших мелочей носатую карнавальную маску на лице своего собеседника и сильно сожалел, что не может увидеть истинное лицо ее владельца. Второй вопрос Жермен задавать не спешил, обдумывая различные варианты. Тем временем в дверь едва слышно стукнули, и собеседник банкира тут же поднялся на ноги, учтиво попрощавшись:

– Прошу прощения, мы продолжим нашу беседу в другое время.

На следующий день тюремщик, едва зайдя в подвальные апартаменты, тут же остановился, разглядывая нарисованный на стене щит с гербом.

– У вас очень недурные способности к изобразительному искусству. Вы не думали, так сказать, сменить стезю?

– Нет. Почему я?

– Надо полагать, это ваш второй вопрос? Увы, на него я и сам не знаю точного ответа... собственно, вам должно быть виднее – кто из нас банкир? Между прочим, у меня для вас есть хорошие новости: ваши подчиненные управились раньше, чем можно было надеяться, и вскоре вы вновь обретете свободу. Что такое, я вижу, вы не рады?

– Отчего же, рад. Особенно тому обстоятельству, что я вскоре стану на треть беднее. Скажите... мсье, а могу ли и я воспользоваться вашими услугами?

– Именно моими? Увы, нет – я и так потерял с вами немало драгоценного времени, меня ждут гораздо более важные дела. К сожалению, чем старше становишься, тем быстрее бежит время – вы ведь наверняка и сами это знаете? А мне еще так много надо успеть!

Однако финансист не огорчился и тему разговора менять не стал.

– Я так понимаю, что помимо вас имеются и другие, гм, специалисты подобного рода? Возможно, они смогут мне помочь?

– Возможно, хотя должен заметить, что все они также весьма заняты... Ну хорошо, я переговорю насчет вашего предложения со своими коллегами – возможно, кто-то из них и проявит интерес. Но на вашем месте я бы на это особо не рассчитывал – как я уже говорил, вам нечем заплатить, а за деньги мои знакомые уже давно не работают.

Оставшись в одиночестве, Анри долго разглядывал свой рисунок, а потом, коротко выругавшись, кинул в него полупустую бутылку с бордо. Молодое вино оказалось последним штрихом – теперь на него со стены смотрел красный щит. Рот-шильд... Немного успокоившись, Жермен лег и закрыл глаза, обдумывая все, что услышал за последние три дня, и чем дольше размышлял, тем отчетливее понимал, что над ним тонко издевались, и личность заказчика (а в его существование банкир поверил достаточно быстро) оставалась такой же загадкой, как и в первый день. Было ясно, что речь шла о его конкуренте (или конкурентах, если его тюремщик солгал). Но кто именно? Новые хозяева «ль'Унион Паризьен», решившие потеснить его в России? Или французские Ротшильды с их партнерами из «Креди дю Нор»? А может, итальянцы? Не стоит забывать и об английских Ротшильдах... На мгновение забывшись, банкир пробормотал вслух:

– А ведь он узнал, определенно узнал герб!

Но даже этот факт не давал гарантии, что его не направляют по ложному следу. Часа через два Жермен совершенно запутался в своих рассуждениях и воспоминаниях – кому он за последние полгода-год успел перейти дорогу.

Долгожданную свободу банкир обрел так неожиданно, что поначалу как-то даже растерялся. Заснув после обильного ужина в своей персональной Бастилии, проснулся он сидя в... обычнейшем экипаже, которых в Париже многие и многие сотни. Первым, что Анри увидел, был нахохлившийся на своем месте хозяин фиакра, за ним просматривались немногочисленные в такую рань прохожие, торопливо спешившие по своим делам. Последние сомнения развеяла застоявшаяся лошадь в экипаже – коротко всхрапнув, она звучно избавилась от солидной порции переработанного сена. Выслушав короткий и немного нецензурный комментарий извозчика, Жермен решил, что все это ему все же не снится, и пошевелился, тут же непроизвольно охнув – так сильно затекла спина от долгой неподвижности.

– Мсье проснулись?

– Как я оказался... здесь?

В ответ хозяин экипажа лаконично поведал, что вчера поздней ночью двое спутников почтенного мсье аккуратно загрузили безвольную тушку своего приятеля в его фиакр, в качестве адреса назвали Елисейские Поля (а вот номер дома позабыли), сунув напоследок сто франков гонорара. Вот только будить категорически запретили, но он не в претензии – за такие деньги мсье может спокойно спать до самого вечера, причем он готов и колыбельные попеть... Еще раз оглядевшись, банкир приказал править к своему особняку, между делом обнаружив, что из его портмоне не пропало ни единой банкноты, а любимые часы уютно расположились в специальном кармашке на жилетке. Чем ближе подъезжал фиакр к особняку Жермена, тем лучше становилось настроение его хозяина (у прислуги вообще был шок, когда они увидели своего работодателя живым, да еще и с радостной улыбкой на губах). Горячая ванна, свежее белье и утренняя газета помогли банкиру окончательно прийти в себя, и к появлению своих служащих он выглядел на все сто. Точнее, двести десять – именно столько миллионов франков он «весил» после случившегося «кровопускания». Дождавшись последнего из своих заместителей (и в третий раз отрицательно покачав головой на вопрос о противоядии), банкир устроился поудобнее в кресле и потребовал как можно более подробного отчета обо всем, чем они занимались без своего любимого шефа. В частности – где удалось быстро раздобыть такую массу мелких банкнот?

– У Ротшильда.

У Жермена неожиданно для всех задержалось левое веко, но голос остался спокойным.

– Продолжайте, Арнольд, прошу вас.

– Передача денег совершилась в Венсенском лесу, недалеко от озера Сен-Мандэ...

– Вот так просто, взяла и совершилась?

При напоминании о такой большой потере капитала настроение банкира моментально ушло в минус, причем весьма заметно для сидящих рядом с ним подчиненных.

– Не совсем, господин председатель. Не буду скрывать, было предложение, гм, отплатить вашим похитителям той же монетой и задержать получателя выкупа для... доверительной беседы.

– Вот как? Насколько я понимаю, вы на это попросту не решились, не так ли?

– Вернее будет сказать, что у нас ничего не получилось, господин председатель.

– Н-да? Дайте-ка я угадаю – их было слишком много?

– Всего двое. Первый вел все переговоры, а второй – спокойно целился в нас из этой новомодной митральезы⁴ господина Максима. Мы... решили не обострять ситуацию, тем более что нам сразу заявили, что противоядия при себе они не имеют.

Глубоко вздохнув, Жермен закрыл глаза и негромко констатировал:

– Мерзавцы! Что-то еще?

Все присутствующие переглянулись и единодушно решили, что высказывание председателя относится не к ним.

– Да. Сразу трое знакомых мне биржевых журналистов рассказали, что некто очень настойчиво интересовался вами и «Лионским Кредитом» – увы, я узнал об этом слишком поздно.

– Чем бы это помогло... Кстати, как объяснили мое отсутствие?

– Деловыми переговорами в Испании. Вашей прислуге были выданы строгие инструкции, и никто ничего не узнал.

– Очень хорошо. Ну что же, надеюсь, произошедшее послужит всем нам хорошим уроком и станет нашей общей тайной.

Дверь тихо открылась, и присутствующие непроизвольно вздрогнули, но в комнату зашел всего лишь дворецкий с небольшим подносом в руках. Вернее сказать, с конвертом,

⁴ Митральеза – французское название первых типов пулеметов.

лежавшим на прямоугольном серебряном блюде. Оглядев послание, Жермен понял, почему вышколенный слуга решился помешать собранию: с того места, где полагалось быть инициалам отправителя, на него насмешливо-ехидно смотрел чернильный эскиз – набросок маски. Очень знакомой и донельзя опротивевшей маски.

– Это... от них?

Вместо ответа хозяин дома с хрустом вскрыл конверт и с недоумением увидел стандартный договор на аренду малой банковской ячейки. Причем не где-нибудь, а в его собственном банке. К договору прилагался ключ, заботливо приклеенный на капельку сургуча прямо к бумаге, и небольшая карточка вроде визитки, на которой красивым почерком с многочисленными вензелями вывели всего два слова:

«Умному достаточно».

– Господа, мы отправляемся за противоядием!

Когда правление «Лионского Кредита» в полном составе заявилось в рядовой и ничем не примечательный филиал-отделение на бульваре Капуцинок, у клерков и управляющего приключился натуральный приступ трудового энтузиазма, несколько осложненный тихой паникой (уж очень решительно-суровые лица были у начальства). Без малейшего интереса выслушав короткий отчет, правление все так же полным составом проследовало в хранилище и первым же делом выгнало оттуда охрану. Узнать содержимое ячейки Анри предусмотрительно доверил своему первому заместителю – так сказать, уступил дорогу молодому. Мало ли что там может быть? Мазерс с третьего раза попал ключом в замочную скважину, рванул на себя дверку и тут же буквально окаменел, издав невнятный горловой звук. Его собратья по несчастью заинтересованно подошли поближе – и так же застыли в недвижности. Тут уже не выдержал Жермен:

– Да что там такое, Арнольд?!

Ровные, абсолютно одинаковые и даже чем-то красивые динамитные шашки почти доверху заполняли ячейку, оставляя совсем небольшой просвет между собой и стенками. Остаток свободного места занимала аккуратная бухточка бикфордова шнура, внутри которой уютно устроились три маленькие мензурки с буровато-зеленоватой жидкостью.

– Есть!!!

Тихо просочившийся в помещение депозитария управляющий застал интереснейшую и непонятную картину: члены правления дружно сорвали пробки с маленьких бутылочек и так же дружно засомневались.

– Ну что же вы, Жорж?

– Нет-нет, я лучше после вас, Франсуа!

Мазерс и тут доказал, что он не зря первый заместитель своего шефа: он быстро опрокинул содержимое стекляшки в себя, страдальчески скривился и закашлялся.

– Ну?!!

– Кха-кхах. Горькое. И очень крепкое. И... головная боль проходит?

Последнее прозвучало растерянно и даже как-то недоверчиво. Проследив, как пустеют остальные мензурки, Мазерс непроизвольно поморщился – уж очень гадостный вкус был у «лекарства». Пару минут все настороженно чего-то ждали, переглядываясь и не решаясь нарушить возникшую тишину, пока казначей Клейнман не расплылся в улыбке:

– Действует. Нет, все же определенно действует! Такая своеобразная легкость в мыслях и тепло по телу. А у вас как, Арнольд?

– Кхм!

Жермен негромко напомнил о себе и, когда убедился, что все его слушают, начал выдавать ценные указания:

– Мсье Боужен, распорядитесь очистить ячейку номер семнадцать от... того, что там находится. Франсуа, вот вам договор аренды, выясните, кто такой этот Уильям Шексен Пир.

– Но ведь?..

– Вы правы, наверняка это подставное лицо, но мне попросту интересно. Так. Арнольд и Жорж, сегодня вечером мне нужен подробнейший отчет о состоянии дел в «Лионском Кредите» – нам придется немало потрудиться, чтобы вернуть прежние позиции. За дело, господа!

Оставшись в полном одиночестве, банкир прошелся взад-вперед и задумчиво повторил:

– Шексен Пир. Хм, Шексен Пир. Черт побери! Уильям Шекспир! – И уже с оттенком уважения (ну и совсем чуть-чуть – восхищения): – Вот мерзавец!

Глава 6

Покидая Францию в последний день уходящего в прошлое 1890 года, господин Долгин пребывал в легкой печали. Выражалось это в том, что он бездумно любовался пейзажами, пролетающими за окном купе, и время от времени еле слышно вздыхал, косясь при этом на своего попутчика.

– И все же, командир, вот зря мы так.

– А?

– Я говорю – такую вещь потеряли!

Александр, ненадолго оторвавшись от своих записей, которые приводил в порядок перед серьезным разговором с Альфредом Фридрихом Круппом, немного рассеянно пояснил:

– Эта, как ты говоришь, вещь – неплохой след. От следов надо избавляться, во избежание возможных фатальных неприятностей.

– Да это я понимаю. Но ведь можно же было припрятать пулемет понадежнее, а не топить в озере, словно кутенка какого. Вдруг да еще пригодился бы? Эх, какую вещь!.. Слушай, командир, я все спросить хотел – а зачем ты с этих огурцов колючих сок давил?

– Они кактусами называются. А зачем давил? Так я просто подумал, что противоядие, состоящее из одного спирта, может вызвать некоторые сомнения. А вот спирт, перец, сок кактуса и капелька слабительного для этих гурманов самое оно. Жаль, что снотворное все на кролика перевел, вообще бы идеальный состав получился.

Утешился Григорий только после того, как уговорил князя прикупить еще один пулемет (а лучше парочку), подведя под это солидное обоснование: необходимость как можно тщательней изучить продукцию конкурента-оружейника. Не забыл упомянуть и насущную потребность в повышении своей и командирской «квалификации» до уверенного «пользователя»-пулеметчика. Получив желаемое, вернее, твердое обещание желаемого, Гриша успокоился и занялся оформлением уже второго альбома с видами городов (посторонний человек по содержанию этих самых альбомов вполне мог решить, что их обладатель изрядно попутешествовал по Европе и старой доброй Англии, напоследок ненадолго наведя Китай с Индией). Так и провели время в пути: один сосредоточенно читал и писал, а второй от всей души наслаждался свежеприобретенным хобби. В Берлине они очень буднично заселились в отель (причем Григорий совершенно бездумно сунул коридорному небольшие чаевые и тем самым окончательно закрепился в статусе бывалого путешественника – потому как неопытные или не давали вообще, или давали больше положенного). Отправив небольшую записку Круппу, Александр едва успел переодеться и соскоблить трехдневную щетину, как Фридрих прислал за ним свой личный экипаж. Встретили его как дорогого гостя, да что там, практически как близкого родственника. Причина столь выдающегося приступа гостеприимства выяснилась достаточно быстро.

– Князь, я слышал, что вы намереваетесь слегка расширить свое дело?

– Да, есть такие планы. Но, по правде сказать, я не думал, что они столь широко известны.

– О, уверяю вас, это всего лишь слухи, которые дошли до меня совершенно случайным образом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.